

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ВИА 101

ГЕРМАНИЯ

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

ВИЛЬГЕЛЬМ
ТЕЛЛЬ

ВЫПУСК
№57

ПЕТЕРБУРГ
МСМХХП

Вып. № 57.

B141 101

ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ФРИДРИХ ШИЛЛЕР

FRIDERICH SCHILLER

— 1759 — 1805 —

ВИЛЬГЕЛЬМ ТЕЛЛЬ

ДРАМАТИЧЕСКОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ПЕРЕВОД Ф. МИЛЛЕРА
РЕДАКЦИЯ И ПРЕДИСЛОВИЕ
Б. ЭЙХЕНБАУМА

1151/1

ПЕТЕРБУРГ

— 1922 —

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Отпечатано 5.500 экз.
в Тип. „Коминтерна“
Р. Ц. № 1471 Петербург.

745830 ✓ ✓

Типография Коминтерна Екатерингофский пр., 87.

ПРЕДИСЛОВИЕ

„Вильгельм Телль“—последняя законченная пьеса Шиллера. Она написана в 1804 г., вслед за „Мессинской невестой“. Гёте еще в 1797 г. заинтересовался „басней о Телле“ и собирался развернуть ее в форме эпической поэмы, но скоро охладел к этому сюжету. В 1802 г. за него взялся Шиллер, который увлекался в это время мыслью о создании трагедии по античному образцу—без психологической мотивировки, без коллизии характеров. Уже в „Марии Стюарт“ и в „Орлеанской Деве“ основной пружиной действия служит „сила внешних обстоятельств“, а не столкновения характеров. В „Мессинской невесте“ психологический момент еще более ослаблен—вместо него действует судьба. Так, постепенно освобождаясь от психологической мотивировки, которая всегда затрудняла его, Шиллер, в сущности, отходит от трагедии, как таковой, потому что на другом пути не находит основы для построения трагического действия. „Орлеанская Дева“—скорее мистерия, чем трагедия. „Мессинская невеста“ интересна не своим действием, мотивировка которого очень сложна и

искусственна, а своим лирическим подъемом, особенно выделяющимся в словах хора. Трагического движения в этой пьесе нет; катастрофа, несмотря на весь ее ужас, кажется внешней и несущественной. Еще шаг — и Шиллер должен отвергнуть самую необходимость катастрофы, т. е., иными словами, покинуть область чистой трагедии и перейти к драматической эпопее.

Это и осуществлено в „Вильгельме Телле“. Основным источником для Шиллера послужила швейцарская хроника Эгидия Чуди (XVI в.), где под 1307 г. рассказано предание о храбром Телле. Шиллер сохранил все детали этого рассказа — история с шляпой, искусный выстрел Телля, вопрос о второй стреле, арест, переправа через озеро в бурю, побег Телля, его выстрел в ландфогта. Эту основную „басню“, в центре которой стоит эпическая фигура самого Телля, необходимо было развернуть и осложнить другим материалом, чтобы создать „пьесу“ (Schauspiel). Шиллер окружает Телля „народом“, который борется за восстановление своей прежней свободы. Этого мало — вводится любовный эпизод (Руденц — Берта), связь которого с общим движением событий очень слабо мотивирована, что и характерно для построения этой пьесы. Катастрофы нет — пьеса кончается апофеозом Телля, но Шиллеру казалось, повидимому, необходимым оттенить поступок Телля (убийство Геслера), как подвиг, чтобы ослабить возможность морализации. С этой целью введен появляющийся в самом конце Паррицида — убийца дяди-императора. Отсутствие психологической разработки

привело к мотивировке рассудочной. Речь Телля риторична и тенденциозна:

Кровавое искание короны
Ты смел сравнять с защитой отца!
Спасал ли ты главу детей любимых?
Святыню крова охранял ли ты?
Избавил ли семейство от гоненья?
Рука моя чиста; я без боязни
Ее под'емлю к небу; проклинаю
Тебя и твой проступок; я отмстил
Священные права природы, — ты же
Их посрамил; убийца — ты один, —
Я защищал, что мне всего дороже.

Традиционно толкование „Вильгельма Телля“, как „гимна свободе“. Как все такого рода толкования художественных произведений, оно упрощает и даже искажает пьесу Шиллера. Тирания власти изображена здесь настолько примитивными и схематическими чертами, что победа над ней не может составлять художественного смысла пьесы. Смысл этот, как всегда в искусстве, лежит не в фабуле, не в материале самом по себе, а в построении, в форме. Шиллеру важно было создать пьесу не на индивидуальных характерах, не на судьбе героя, а на движении массовых сцен, ограниченных пределами определенного „местного колорита“. Вместо характеров, он создает эпические фигуры — как Гедвига, как Аттинггаузен, как сам Телль и т. д. Борьба с тиранией — мотивировка для того, чтобы привести в движение массу и создать нечто вроде драматизован-

ной эпопеи. Кто представляет себе историю художественного развития Шиллера, тому ясно значение этой новой ступени. Здесь Шиллер преодолевает тот канон трагедии, которому сам раньше следовал, но это удастся ему только путем отхода от самых основ трагедии. „Вильгельм Телль“ — не разрешение проблемы, а лишь характерный опыт. Поэтому характерны и самые недостатки этой пьесы, свидетельствующие о сложности поставленной Шиллером художественной задачи.

В. Эйхенбаум

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Герман Геслер, имперский наместник (ландфогт) в Швице и в Ури.	
Вернер Аттинггаузен, владетельный барон.	
Ульрих фон-Руденц, его племянник.	
Вернер Штауффахер,	} поселяне из Швица.
Конрад Хунн,	
Итель Рединг,	
Ганс Мауер,	
Иörg Гоф,	
Ульрих Шмид,	} из Ури.
Иост Вейлер,	
Вальтер Фюрст,	
Вильгельм Телль,	
Рессельман, пастор,	
Петерман, кистер,	} из Унтерваль- дена.
Куони, пастух,	
Верни, охотник,	
Руоди, рыбак,	
Арнольд Мельхталь,	
Конрад Баумгартен,	
Мейер Сарнен,	
Струт Винкельрид,	
Клаус фон-дер-Флюе,	
Буркгард Бюхель,	
Арнольд Сева,	

Пфейфер из Люцерна.
Кунц из Герзау.
Женни, сын рыбака.
Сеппи, сын пастуха.
Гертруда, жена Штауффахера.
Гедвига, жена Телля, дочь Вальтера
Фюрста.
Берта фон-Брунек, богатая наследница.
Армгарда, }
Мехтильда, } поселанки.
Эльсбета, }
Гильдегарда, }
Вальтер, } дети Телля.
Вильгельм, }
Фрисгард, } солдаты.
Лейтгольд, }
Рудольф Гаррас, штальмейстер Геслера.
Иоанн Паррицида, герцог швабский.
Штюсси, стрелок.
Трубач.
Вестник.
Смотритель над постройками.
Каменщик, его подмастерья и работники.
Глашатай.
Братья милосердия.
Стражи Геслера и Ланденбергера.
Поселяне и поселанки из лесных городов.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Высокий, скалистый берег озера четырех Кантонов,
напротив Швица.

Озеро образовало небольшой залив; недалеко от берега стоит хижина; сын рыбака плывет в челноке. На другой стороне озера видны зеленые долины и деревни Швица, освещенные солнцем. Налево от зрителей видны вершины, покрытые облаками; направо — снежные горы, которых цепь теряется в отдалении. До поднятия занавеса слышны звуки швейцарской пастушеской песни и гармонический звон колокольчиков, который некоторое время продолжается и после поднятия занавеса.

Сын рыбака (поет в челноке).

(Напев швейцарской песни).

С озера веет прохлада и нега,
Отрок заснул, убаюкан у брега;
Блаженные звуки
Он слышит во сне:
То ангелов лики
Поют в вышине.

И вот он очнулся от райского сна,
Его, обнимая, ласкает волна,
И слышит он голос,
Как ропот струи:
„Приди, мой красавец,
В объятья мои!“

Пастух (на горе).

(Вариант того же напева).

Простите луга!
Зима наступает;
Пастух угоняет
В деревню стада,

Мы вас оставляем, но свидимся с вами,
Когда нам кукушки весну пропоют,
Когда вы украситесь снова цветами,
Когда по долинам ручьи потекут.

Простите, луга!
Зима наступает;
Пастух угоняет
В деревню стада.

Охотник (является на вершине противоположной скалы).

(Второй вариант).

Вершины гремят, стонет эхо в горах;
Стрелок не робеет на зыбких стезях.
Там скалы покрыты
Корой ледяной,
По ним он ступает
Бесстрашной стопой.

Внизу под ногами, как море, туман
Пред ним застилает жилища селян;
И только в разрывы
Седых облаков
Виднеются нивы
И зелень лугов.

Картина меняется; глухой рев слышен в горах;
тени от облаков покрывают окрестность.

Руоди, рыбак, выходит из хижины. Верни, охотник, сходит со скалы. Куони, пастух, идет с котомкою на плечах. Сеппи, его мальчик, следует за ним.

Руоди.

Скорее, Женни, сети собери!
Нахмурилося небо, ветер воет,
Наш камень вековой принарядился
В свой облачный колпак,—и не увидишь,
Как Бог найдет грозу.

Куони.

Спешишь, земляк?

Уж дождь пошел; смотри, как жадно овцы
Едят траву; собака роет землю.

Верни.

Не даром скачет рыба, и лисуха
Ныряет то и дело: быть грозе!

Куони (мальчику).

Что, Сеппи, все ли стадо?

Сеппи.

Все, хозяин.—
И наша Лизли тут,—я по звонку
Ее узнал.

Куони.

Так и другие дома:
Она одна заходит дальше всех.

Руоди.

У колокольчиков твоих, земляк, приятный звон.

Верни.

И скот хорош; он твой?

Куони.

Нет, я не так богат; его хозяин—
Мой господин, почтенный Аттинггаузен.

Руоди.

А вот корова с лентою на шее;
Как ей она пристала!

Куони.

Да, про то
Она сама смекает и гордится:
Сними я ленту,—есть не станет.

Руоди.

Вздор!
Как будто бы она что понимает.

Верни.

Не говори,—и зверь имеет разум;
То знаем мы. Как на горах, бывало,
Гоняешься за сернами;—так что ж!—
У них всегда одна стоит на страже.
Чуть подошел охотник,—как засвищет,
И мигом все укроются в ущельях.

Руоди (пастуху).

Что ты домой их видно гонишь?

Куони.

Да;

Уж на горах им корму больше нет.

Верни.

Счастливый путь!

Куони.

Тебе того ж желаю:
Ваш не всегда бывает безопасен.

Руоди.

Кто это к нам бежит? да как поспешно!

Верни.

А, это наш Баумгартен из Альцельна.

Конрад Баумгартен (прибегает запыхав-
шись).

Рыбак! скорее лодку! ради Бога!

Руоди.

Ну, ну, куда так скоро?

Баумгартен.

Отвяжи

Спаси меня! Перевези!

Куони.

Земляк,

Что случилось с тобою?

Верни.

Преследует?

Кто тебя

Баумгартен (рыбагу).

Ах! по следам за мною

Бегут ландфогтом посланные стражи!

О, я погиб, когда меня поймают!

Куони.

За что ж они преследуют тебя?

Баумгартен.

Сперва спаси,—тогда все расскажу.

Верни.

Но ты обрызган кровью,—что случилось?

Баумгартен.

Тот цесарский наместник, что в Росберге...

Куони.

Кто? Вольфеншисен? гонит он тебя?

Баумгартен.

Он более не страшен: он убит
Моей рукой.

Все (отступая в ужасе).

Несчастный! что ты сделал?

Баумгартен.

Что сделал я!—что каждый бы из вас
Решился сделать: я отмстил ему
За поношение дома моего,
За честь жены.

Куони.

Он оскорбил ее

Баумгартен.

Да, еслиб Бог и острый мой топор
В том не были помехою злодею.

Верни.

Ты топором его?

Куони.

О, расскажи,
Как это было,—ты еще успеешь,
Пока рыбак отвязывает лодку.

Баумгартен.

Я был в лесу, рубил дрова,—и вдруг
Ко мне жена в испуге прибегает:
Наместник в нашем доме; он велел
Ей баню приготовить для него;
Потом хотел он учинить над нею
Насилие; но, вырвавшись, она
Пришла ко мне просить защиты. Я,
Как был, пошел домой, застал злодея,
И череп топором ему рассек.

Верни.

Ты прав, тебя никто не обвинит.

Куони.

Тиран! теперь наказан он достойно!
Ты отомстил ему за Унтервальден.

Баумгартен.

Об этом тотчас в городе узнали,
И наш судья послал за мной погоню.
Часы летят... пока мы говорим...

(Слышен гром).

Куони.

Скорей, рыбак, перевези его!

Руоди.

Нельзя теперь,—гроза уж началась;
Придется обождать.

Баумгартен.

О, Боже мой!

Куони (рыбаку).

Э, с Богом, брат! Исполни долг священный:
Спаси его от смерти! Ведь и с нами
Случиться может то же.

(Гром и вихрь).

Руоди.

Но смотрите,
Как озеро высоко поднялось;
Не справиться мне с бурными волнами.

Баумгартен (обнимает его колени).

Спаси меня! Господь тебе воздаст!

Верни.

Ты жизнь ему спасешь!

Куони.

Ведь он отец
Семейства: у него жена и дети!
(Удары грома повторяются).

Руоди.

А мне зачем же жизнь свою губить?
И у меня жена и дети тоже.
Смотрите, как свирепая пучина
Клокочет и крутит водоворотом.
Спасти его хотел бы я, конечно,
Но видите вы сами—невозможно.

Баумгартен (на коленях).
Так должен я врагу себя предать,
Когда так близок берег избавленья!
Его я вижу! Вопль мой до него
Достигнуть может, лодка наготове—
А я один, без помощи, покинут!

Куони.
Кто это к нам идет сюда?—смотрите!

Верни.
А! это Телль из Бюрглена.

Телль (входит вооруженный луком).

О чем
Вас умоляет этот человек?
Кто он таков? откуда?

Куони.
Из Альцельна;
Он, защищая честь свою, убил
Имперского наместника в Росберге.
За ним ландфогтом послана погоня;
Он просит рыбака о перевозе,—
Но тот, бояся бури, отказался.

Руоди.
Ну вот вам Телль,—и он веслом владеет,—
Пусть он мне скажет, можно ль плыть теперь.

Телль.
Коль нужно, мы должны дерзать на все.
Сильные удары грома, на озере волнение.

Руоди.
Не кинусь я на видимую смерть,—
Нет, я еще не потерял рассудка!

Телль.
Муж храбрый мыслит о себе в последних;
Спаси его с надеждою на Бога!

Руоди.
На суше хорошо давать советы!
Вот озеро, вот лодка,—испытай!

Телль.
Но озеро затихнет, а ландфогт
Неумолим. Спаси его, рыбак!

Все.
Спаси его! спаси, спаси!

Руоди.
Нет! еслиб
Он был мне брат, дитя мое родное,
Так и тогда б я отказался! Нынче
День Симона-Иуды,—потому
Обычной жертвы требует пучина.

Телль.
Оставь свою пустую болтовню,—
Часы летят; ему нужна защита;
Скажи, поедешь?

Руоди.

Нет, я не могу!

Телль.

Ну, так на Божью волю!—Дай мне лодку!
Попробую, коль силы мне позволят.

Куони.

О, храбрый Телль!

Верни.

Вот видно молодца!

Баумгартен.

О, добрый Телль! ты—Ангел мой хранитель!

Телль.

От рук судьи могу тебя спасти я,
От бури же спасет тебя другой!
Но возложи на Бога упование,—
Не на людей!

(К пастуху).

Земляк, утешь жену,
Когда со мной случится что земное;
Я сделал то, чего не мог не сделать.

(Прыгает в лодку).

Куони *(рыбаку)*.

Хорош же ты!—не смел на то решиться,
На что решился Телль.

Руоди.

Никто того
Не сделал бы: у нас в горах ему
Подобного другого не найдется.

Верни *(входит на скалу)*.

Вот он плывет! Бог помочь, храбрый муж!
Смотрите, как качают лодку волны!

Куони *(у берега)*.

Но он исчез—его волной залило!
А, вот опять мелькнул он! Молодец!
Как славно он веслом владеть умеет!

Сеппи.

Несутся вскачь к нам рейтары ландфогта.

Куони.

Они и есть! да поздно!

Группа рейтаров Ланденбергера.

Первый.

Где убийца?

Отдайте нам его!

Второй.

Он здесь, мы знаем!
Напрасно вы хотите скрыть его.

Куони и Руоди.

Кого вам нужно, господа?

Первый (увидя лодку).

Смотри-ка!

А, дьявол!

Верни (на скале).

Не затем ли вы гнались,
Кто в лодке там плывет? — Ну чтож, друзья,
Скажите, — вы догоните его.

Второй.

Он ускользнул от нас, проклятый!

Первый (пастуху и рыбаку).

Вы,

Вы помогли спастись ему! — так знайте,
За это мы стада разгоним ваши,
Сожжем дома и пепел их развеем!

(Быстро удаляются).

Сеппи (убегая за ними).

Ах, бедные овечки!

Куони (следуя за ним).

Горе мне!

Мои стада!

Верни.

Злодеи!

Руоди (горестно).

О, Всевышний!

Когда придет отчизны избавитель?

(Уходит за ними).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

В Швице; против дома Штауффахера, у большой
дороги, подле моста, стоит липа.

Вернер Штауффахер и Пфейфер из Люцерна
входят, разговаривая.

Пфейфер.

Да, Штауффахер, как я вам говорил,
Не присягайте Австрии. Коль можно,
Пребудьте верны, тверды, как и были.
Да подкрепит вас Бог во всех делах!

(С чувством жмет ему руку и хочет удалиться).

Штауффахер.

Останьтесь, друг, сейчас придет хозяйка!
Вы гость мой в Швице, в Люцерне — я ваш.

Пфейфер.

Благодарю! Сегодня нужно мне
Дойти до Герзау. Об одном прошу, —
С терпением снесите оскорбленья
Неистовых наместников своих.
Все изменится, — император новый
Взойдет на трон; но Австрии отдавшись,
Рабом ее останетесь на век.

Он уходит. Штауффахер садится на скамью
под липою и погружается в задумчивость. Входит
жена его, Гертруда, садится подле него и молча
смотрит на него несколько времени.

Гертруда.

Так мрачен! Друг мой, что с тобой, скажи
мне?

Уж много дней я молча примечаю,
Что у тебя на сердце что-то есть:
Какая-то печаль тебя снедает.
Откройся мне, своей подруге верной,
И поделись со мной своей печалью.

(Штауффахер безмолвно жмет ее руку).

Скажи мне, чем душа твоя страдает?
Благословил Господь твои труды;
Ты всем богат, мой друг, твои стада
И статные откормленные кони
Благополучно возвратились с гор
В покойные конюшни, на зимовье.
И вот твой дом, — как замок он красив,
И выстроен, как следует, по плану,
Из лучшего отборнейшего леса,
И окна в нем блестят, как зеркала;
И пестрыми гербами он расписан
И мудрыми реченьями, — и странник
Читает их и смыслу их дивится.

Штауффахер.

Красив мой дом, по плану он построен,
Но, ах, — под ним не твердо основание!

Гертруда.

Что хочешь этим ты сказать, мой друг?

Штауффахер.

Недавно я сидел под этой липой
И радостно смотрел на этот дом;
Вдруг, вижу, едет ландфогт из Кюснахта
Со свитою, и тут остановился,
И посмотрел на дом мой с удивленьем.
Я тотчас встал и с должным уваженьем
Приблизился к тому, кого монарх
Над сей страной поставил властелином.
„Чей это дом?“ — коварно он спросил,
Как будто сам не знает. Я поспешно
Ему ответил: „Дом сей, государь,
Принадлежит монарху моему
И вам, — а мне он отдан на аренду“.
Тогда сказал он: „Я, как повелитель
Страны, не потерплю, чтоб селянин
Себе дома здесь произвольно строил
И жил, как господин. Я постараюсь
Искоренить такое своевольство“.
Так говоря, поехал он надменно.
А я остался с грустью на душе,
В раздумье о словах его зловещих.

Гертруда.

Мой добрый муж и господин! Позволь мне
Подать тебе совет чистосердечный.
Я мудрого Иберга дочь родная,
И я горжуся тем! Когда с сестрами,
Бывало, мы по вечерам сидели
За пряжею, тогда к отцу собирались
Старейшины народа, и читали

Имперские бумаги, размышляя
О счастии страны своей родной.
Я пристально внимала их словам
И сохранила глубоко на сердце
Все мудрые их речи и желанья.
Итак, послушай, что теперь скажу я!
Давно я знала, что тебя печалит.
Мой друг, тебя наместник ненавидит:
Ты был ему помехою, и Швиц
Не покорился новому правлению,
Но, с твердостью, подобно древним предкам,
Империи своей не изменил.
Не так ли, Вернер? Правду ль я сказала?

Штауффахер.

Да, он меня за это ненавидит!

Гертруда.

Ему досадно, что, свободный, ты
Живешь себе на собственном наследье,
Какого нет и у него. Свой дом
Ты получил в аренду от монарха,
Ты можешь показать свое имя, —
Как князь свои поместья. Над собой
Монарха лишь владыкой ты имеешь;
Тогда как он, вассал его ничтожный,
Лишь рыцарским плащом своим владеет
И потому на счастье людей
Взирает он со злобой ядовитой.
Он погубить давно тебя поклялся;
Ты неведим еще, — ужели будешь

Спокойно ждать, чтоб мщенье злодея
Тебя постигло? Нет! — благоразумный
Сам должен действовать.

Штауффахер.

Но чтож мне делать?

Гертруда.

Вот мой совет: я думаю, ты знаешь,
Как наш кантон ландфогта ненавидит
За скупость и злодейства; так поверь,
Что в Унтервальдене и в Ури тоже
Найдется очень много недовольных.
Что Геслер здесь, то Ланденбергер там,
За озером. Оттуда с каждой лодкой
Приходят к нам печальные известья
О новых притеснениях ландфогтов.
Так хорошо, когда бы собралось
Вас несколько мужей благоразумных
И тайно бы сошлись на совещанье, —
Как сбросить это тяжкое ярмо?
И я надеюсь — Бог вас не оставит,
И правое Он дело защитит.
Что, нет ли в Ури друга у тебя,
Которому б сердечно мог открыться?

Штауффахер.

Мужей достойных много там я знаю,
И сильных, и значительных, — они
Меня все любят, — им могу открыться.

(Встает).

Жена, ты бурю страшных, черных дум
В груди моей спокойной разбудила!
Ты светом дня мне мысли озаряешь!
Я и мечтать об этом не дерзал,
А ты легко и смело произносишь.
— Но свой совет обдумала ли ты?
И звук мечей, и громы боевые
На мирные поля ты призываешь.
И нам ли, мирным пастырям, вступать
В неравный бой с владыкою вселенной?
Предлог какой-нибудь им нужен только,
Чтоб напустить на бедные долины
Своих полков свирепую орду
И, пользуясь правами сильных, здесь
Под видом наказания уничтожить
Нам в древности дарованную вольность.

Гертруда.

И вы владеть умеете секирой,—
А смелыми Господь владеет Сам.

Штауффахер.

Жена! ужасна, гибельна война:
Она стада и пастырей карает.

Гертруда.

Сносить должны мы Божье наказание,
Но притесненья не должны сносить!

Штауффахер.

Жена! наш новый дом тебе любезен:
Войной он будет в пепел обращен.

Гертруда.

Когда б к нему привязана была я—
Своей рукой сожгла бы я его!

Штауффахер.

Но грозный бич войны не пощадит
И слабого младенца в колыбели.

Гертруда.

Невинность в небесах найдет защиту;
Смотри вперед, мой друг, а не назад!

Штауффахер.

Мы умереть на поле битвы можем;
Но вас, но вас какая ждет судьба?

Гертруда.

И слабому открыт последний выбор:
Скачок с утеса—и свободна я!

Штауффахер (бросаясь в ее объятия).

О, кто таким владеет сердцем,—тот
Сразится радостно за кров родимый!
Тому не страшны силы королей!
Немедленно отправлюсь в Ури,—там
Есть у меня приятель, Вальтер Фюрст,
Он обо всем со мною сходных мыслей.
Притом же там барона Аттинггауза
Увижу я,—хоть знатного он рода,
Но любит нас и предан старине.
Я посоветуюсь с обоими о том,

Как защитить себя нам от злодеев
Страны родной. Прощай! Пока меня
Не будет дома, ты займись хозяйством,
Чтоб идущий на богомолье странник,
Монах, собирающий для церкви,—все
Нашли бы здесь приют и подайные.
От взора их не скроется мой дом,—
Стоит он на большой дороге,—кров
Для путников всегда гостеприимный.
(Между тем, как он удаляется в глубину сцены
входят Вильгельм Телль и Баумгартен).

Телль (к Баумгартену).

Теперь тебе я более не нужен.
Вот в этот дом войди,—в нем обитает
Штауффахер, покровитель угнетенных.
Но вот он сам!—Ступай к нему за мной!
Они идут. Сцена перемещается.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Открытое место в Альтдорфе.

На возвышении, в глубине сцены, строится крепость,
которая уже представляет целое; задняя часть ее
уже окончена; спереди стоят еще подмостки, по ним
ходят вверх и вниз работники;верху на крыше
сидит кровельщик. Все в движении, занято работою.

Смотритель каменщик его подма-
стерья и работники.

Смотритель (с палкою, к работникам).

Ну—ну! не праздновать! таскайте камни!
Скорей! мешайте известь!—чтоб наместник,

Прибыв сюда, увидел, что работа
Идет вперед. Эх, ходят—как улитки!

(К двум работникам, которые несут камни).

Что? так ли несут?—подложить еще!
Лентяи, вам бы только отдыхать!

Первый подмастерье.

Да, признаюсь, куда как нам приятно
Таскать камень для своей темницы!

Смотритель.

Что там еще ворчать? Народ поганый!
Коров доить вы лишь ходите,
Да лень свою проветривать в горах.

Старик (сядая отдыхать).

Нет, не могу!

Смотритель (держит его).

Ну—ну, старик, за дело!

Первый подмастерье.

Ужель в тебе нет сердца, что к работе
Ты гонишь старика, который сам
Едва таскает ноги?

Каменщик и подмастерья.

О, безбожно!

Смотритель.

Молчать! я делаю, что мне велят.

Второй подмастерье.

А что, смотритель, как же назовется
Темница, что мы строим?

Смотритель.

Игом Ури.

И это иго вас сожмет, друзья!

Подмастерья.

Как? игом Ури?

Смотритель.

Что же тут смешного?

Второй подмастерье.

Домишком этим Ури сжать хотят!

Первый подмастерье.

Посмотрим, сколько гнезд таких придется
Нагородить им, чтоб они сравнялись
Хотя с меньшей из наших гор родных!

(Смотритель уходит в глубину сцены).

Каменщик.

Свой молоток я в озеро закину,
За то, что он работал в этом зданьи!

Телль и Штауффахер входят.

Штауффахер.

О, лучше б мне не жить, чем видеть это!

Телль.

Пойдемте дальше,—здесь не безопасно.

Штауффахер.

Ужели в Ури я? в стране свободы?

Каменщик.

О, если бы вы видели подвалы
Под башнями!—Кто будет жить в них, тот
Не скоро крик услышит петушиный.

Штауффахер.

О, Боже!

Каменщик.

Да, взгляните-ка на своды:
Для вечности воздвигнуты они!

Телль.

Что руки строят—то разрушат руки!

(Указывает на горы).

Вот наши здания свободы,—
Сам Бог воздвигнул их в защиту нам!
Слышен барабан; приходят люди, несущие на шесте
шляпу; за ними следует глашатай; сцена наполняется
женщинами и детьми.

Первый подмастерье.

Что значит этот барабан? смотрите!

Второй подмастерье.

Что за потеха? Шляпа-то к чему?

Глашатай.
Во имя императора: внимайте!

Подмастерья.
Тс! тише!

Глашатай.
Граждане кантона Ури!
Вот эта шляпа на шесте высоком
Воздвигнется на площади в Альторфе;
И вот о чем наместника приказ:
Он хочет, чтоб сей шляпе воздавалось
Такое же почтение, как ему,—
Чтоб все пред ней с открытой головою
Колена преклоняли. Через это
Король узнать желает всех покорных.
Именья и свободы тот лишится,
Кто не исполнит этого приказа.
Народ громко смеется. Бьют в барабан. Толпа
уходит.

Первый подмастерье.
Вот выдумал еще какую новость
Наместник наш! Чтоб кланялись мы шляпе!
Слыхал ли кто подобное, скажите?

Каменщик.
Нам преклонять колена перед шляпой!
Морочить что ль честных людей он хочет?

Первый подмастерье.
Будь это королевская корона,—

А то простая шляпа, что висит
Над стулом, где аренды раздают.

Каменщик.
Австрийская она!—тут есть ловушка,
Чтоб Австрии позорно нас предать.

Подмастерья.
Никто сносить не будет поруганья!

Каменщик.
Пойдем и спросим у других совета.
(Уходят в глубину театра).

Телль (Штауффахеру).
Теперь вы знаете. Прощайте, Вернер!

Штауффахер.
Куда же ты? О, не спеши отсюда!

Телль.
Нельзя! мне должно дома быть. Прощайте!

Штауффахер.
Когда б ты знал, как тяжело на сердце!—
Желал бы я поговорить с тобой.

Телль.
Слова не облегчат тоски сердечной.

Штауффахер.
Но к делу могут повести слова.

Телль.

Терпенье и молчанье—наше дело.

Штауффахер.

Ужели то сносить, что нестерпимо?

Телль.

Временщики господствуют не долго!
Когда над бездной буря забушует,
То гасятся огни, и корабли.
Спешат скорее в пристань, и гроза
Безвредно пронесется над землею.
Пусть каждый тихо у себя живет:
Для мирного найдется мир повсюду.

Штауффахер.

Ты думаешь?

Телль.

Не трогайте змей,
Она вас не ужалит. Верь, что сами
Они смирятся, видя общий мир.

Штауффахер.

Соединясь, мы сделали бы много.

Телль.

В крушении легче одному спастись.

Штауффахер.

Ты холоден к общественному делу.

Телль.

Надейся каждый сам лишь на себя.

Штауффахер.

В союзе дружном слабые могучи.

Телль.

Но сильный одиноким должен быть.

Штауффахер.

Так на тебя отчизне нет надежды,
Когда она восстанет на врагов?

Телль (подает ему руку).

Ягненка Телль из пропасти спасает,
Ужель оставит он своих друзей?
Увольте от *советов* лишь меня;
Я не могу вам помогать словами,
Но будет вам нужна рука моя,—
Скажите слово,—Телль пойдет за вами!

Они расходятся в разные стороны. На подмостках
внезапно раздается крик.

Каменщик (прибегая).

Что там случилось?

Первый подмастерье.

Кровельщик свалился

Сию минуту с кровли.

Берта (вбегает со свитою).

Он разбился?
Спасите! помогите, если можно!
Вот золото,—спасите лишь его!

(Бросает ожерелье).

Каменщик.

Вы с золотом,—и все для вас ничтожно!
Но возвратит ли золото теперь
Отца семейству, матери супруга?
Нет! не оно искупит те несчастья,
Которые теперь нас угнетают.
До вас мы были веселы, довольны;
Но вы пришли,—и мы узнали горе.

Берта (смотрителю, который пришел).
Что, жив ли он?

(Смотритель знаком показывает, что нет).

О, стены! вы с проклятьем
Построены,—в вас будет жить проклятье!
(Уходит).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Жилище Вальтера Фюрста.

Вальтер Фюрст и Арнольд Мельхталь
входят с разных сторон.

Мельхталь.

А! Вальтер Фюрст!

Чтоб не застали нас!
Останься там. Со всех сторон шпионы.

Мельхталь.

Что, нет из Унтервальдена известий?
Что мой отец? Наскучило уж мне
Здесь пленником сидеть. И чтож я сделал,
Чтоб мне от всех скрываться, как убийце?
Я только палец перешиб мерзавцу,
За то, что дерзкий, на моих глазах,
Хотел увести волов моих прекрасных,
По приказанью нашего ландфогта.

Вальтер Фюрст.

Сам виноват! зачем погорячился?
Его послал начальник твой—ландфогт.
Теперь сноси безмолвно наказание,
Хоть тяжело оно,—что ж делать, друг?

Мельхталь.

Но мог ли я снести, чтоб негодяй
Мне говорил: „коль хочет поселянин
Есть хлеб, так пусть он сам и возит плуг“.
По сердцу, как ножом, меня резнуло,
Когда моих волов стал выпрягать.
Они ревели глухо, будто чуя,
Что он мне враг, и уперлись рогами.
Тогда не мог собой владеть я больше,
И в гнев палкой начал бить его.

Вальтер Фюрст.

О, если мы едва крепиться можем,
Где ж юности обуздывать себя?

Мельхталь.

Мне только жаль отца: ему подпора
Нужна, а сын далеко от него.
Его ландфогт не терпит, потому
Что он всегда свободу защищает.
Теперь стеснит он старика, я знаю,
И некому вступить за него!
Пойду туда, что б ни было со мною.

Вальтер Фюрст.

Нет, подожди, вооружись терпением;
Оттуда вести скоро к нам придут.
Но чу! стучат,—не посланный ли то
От ландфогта? Скорее спрячься, в Ури
Ты не спасен от гнева Ланденберга
Один тиран другому помогает.

Мельхталь.

Они собой пример нам подают.

Вальтер Фюрст.

Ступай! я после позову тебя.

(Мельхталь уходит.)

Несчастный! я открыть ему не смею
Своих ужасных подозрений. Кто
Стучится там? Чуть только скрипнет дверь,
Я жду беды. Везде измена, злоба,
Насилие врывается в дома.
Ах, скоро нам придет нужда привесить

Железные запоры у дверей!

*(Он открывает двери и отступает с удивлением,
увидев Вернера Штауффахера.)*

Кого я вижу? Вернер, вы ли это?
Мой дорогой, почтенный гость!—давно
Я лучшего не видел человека!
Душевно рад под кровлею моею
Вас встретить. Что ж привело вас к нам?

Штауффахер *(жмет его руку)*.

Ищу Швейцарию, ищу былые годы.

Вальтер Фюрст.

При вас они! Увидев только вас,
Я чувствую на сердце облегчение.
Садитесь, Вернер, расскажите мне,
Здорова ль ваша умная супруга,
Гертруда, мудрого Иберга дочь?
Все странники, которые идут
В Италию, через долину Мейнрад,
Ваш дом гостеприимный восхваляют.
Но вы теперь из Флюлена, скажите,
Не видели ль дорогой вы чего,
Когда вы нашим краем проходили?

Штауффахер *(садится)*.

Да! видел я строение большое,
Но на него смотреть мне грустно было.

Вальтер Фюрст.

О, друг! взглянув, вы верно догадались?

Штауффахер.

Таких домов не знали прежде в Ури,—
Никто, никто здесь не видал темниц;
Темницею была—одна могила.

Вальтер Фюрст.

Но ведь и это вольности могила.

Штауффахер.

Нет, Вальтер Фюрст, не скрою я от вас,
Что я пришел сюда не по-пустому;
Меня тревожат думы. Притеснения
Оставил дома я, и здесь их вижу.
И долго ли нам их переносить,
Когда им нет конца? Швейцарец был
Всегда свободен, к кротости привык он.
С тех пор, как пастухи узнали горы,
Здесь не было подобных притеснений.

Вальтер Фюрст.

Да, беспримерно своеволие их!
И даже благородный Аттинггаузен,
Который помнит прежние года,
Сам говорит, что тяжело это бремя.

Штауффахер.

И в Унтервальдене творятся также
Кровавые дела. Там Вольфеншисен,
Наместник Росбергский, хотел недавно
От запрещенного вкушать плода,—
В Альцельне он Баумгартена жене

Хотел бесчестье нанести, но муж
Ее убил злодея топором.

Вальтер Фюрст.

О, правосудный Боже! что ж Баумгартен?
Скажите мне, успел ли он спастись?
Нашел ли он убежище?

Штауффахер.

Ваш зять
Его ко мне чрез озеро привез,
И у меня теперь живет он тайно.
Но он мне рассказал такое дело,
Случившееся в Сарнене, что сердце
У каждого должно облиться кровью.

Вальтер Фюрст (внимательно).

Какое ж это дело?

Штауффахер.

Там, в Мельхтале,
Живет близ Керна некто—Генрих Гальден,
Правдивый муж, которого слова
Имеют вес у поселян окружающих.

Вальтер Фюрст.

Да кто его не знает? Что же с ним?

Штауффахер.

За небольшой проступок Ланденбергер
Велел из плуга выпрячь двух волов

Прекраснейших у Генрихова сына,
А юноша прибил раба и скрылся.

Вальтер Фюрст (с нетерпением).

Но что ж отец? скажите, с ним что случилось?

Штауффахер.

Его к себе потребовал наместник,
И приказал ему, чтоб выдал сына;
Но старец поклялся, что он не знает,
Куда беглец сокрылся,—и тогда
Тиран велел явиться палачам...

Вальтер Фюрст (вскакивает и хочет увлечь
его в другую сторону).

О, тише—ради Бога!

Штауффахер (возвышая голос).

И сказал:

„Коль сына нет,—так ты в моих руках!“
И приказал его на землю бросить,
И острой сталью выколоть глаза!..

Вальтер Фюрст.

О, Небо!

Мельхталь (выбегая).

Выколоть глаза, вы говорите?

Штауффахер (удивленный, к Вальтеру Фюрсту).
Кто этот юноша?

Мельхталь (хватает его судорожно).

Глаза его? скажите!..

Вальтер Фюрст.

О, злополучный!

Штауффахер.

Кто же это? сын?

(Вальтер Фюрст утвердительно кивает головою).

Возможно ли? О, Боже правосудный!

Мельхталь.

А я был далеко! отец несчастный!

Вальтер Фюрст.

Скрепи себя! как муж, снеси беду.

Мельхталь.

И за меня, за мой проступок он
Ослеп! ослеп на век, лишенный зренья!

Штауффахер.

Да, он ослеп! иссяк источник света:
Он никогда не узрит солнца вновь!

Вальтер Фюрст.

Щади его страданье!

Мельхталь.

Никогда!

(Он закрывает руками лицо и молчит несколько времени, потом, обращаясь к обоим, говорит тихим, заглушаемым рыданиями, голосом):

О, свет очей—дар неба драгоценный!
Все существа тобою лишь живут,
И каждое счастливое создание—
Цветок—и тот любит на свет,
А для него повсюду вечный мрак,
Повсюду ночь! Его не усладят
Зеленые, цветущие долины!
Он не увидит более зари!..
Что смерть?—ничто! но жить, не видя света,—
Не значит жить! Зачем же на меня
Вы смотрите с участием?—я не слеп;
Но, ах! ни капли из потока света,
Блестящего, что в очи мне струится,
Я не могу несчастному отдать!

Штауффахер.

Не уменьшить мне должно скорбь твою,
Но увеличить. Знай, что у него
Наместник отнял все: ему остался
Один лишь посох, и несчастный старец.
И наг, и слеп, теперь скитаться должен.

Мельхталь.

Один лишь посох бедному слепцу!
Лишен всего, и даже света солнца,
Которым и бедняк богат! Теперь
Никто ни слова мне, чтоб я скрывался!
Презренный, о себе лишь думал я,
Не о тебе, несчастный мой отец!
Тебя в залог оставил я тирану!
Все кончено! Теперь я буду думать

О мщеньи лишь одном. Пойду к нему—
Никто, никто меня не остановит,—
И у наместника потребую назад
Родительских очей. Я отыщу
Его в толпе клевретов; от меня
Он не уйдет! мне жизнь теперь ничто;
Я лишь хочу души моей страданье
Его злодейской кровью утолить!

Хочет идти).

Вальтер Фюрст.

Остановись! тебе ли с ним бороться?
Он в Сарнене, в своем высоком замке,—
Ему не страшен гнев бессильный твой.

Мельхталь.

Хотя б он жил на ледяной вершине
Шрекгорна или выше, там, где Юнгфрау
Покрыта вечным снегом,—и тогда
К нему дорожку проложил бы я.
Лишь двадцать юношей таких, как я—
И мы его разрушим замок. Если ж
За мною не последует никто,
И если все вы, за стада и дома
Страшась, преклонитесь под иго власти,
Тогда в горах сзову я пастухов,
И там, под вольным сводом неба, где
Дух бодр и свеж и сердце в чистоте,
Им расскажу об ужасах злодейства.

Штауффахер (Вальтеру Фюрсту).

Созрело зло; мы подождем еще,
Коль будет хуже...

Мельхталь.

Хуже? да чего же?

Чего ж еще нам ждать, когда глаза,—
И те у нас самих не безопасны!
Мы ль беззащитны? Для чего ж нас учат
Натягивать тугую тетиву,
Тяжелою секирою владеть?
Не каждому ль животному дано
В отчаянии орудье для защиты?
Измученный олень, остервенясь,
Грозит собакам страшными рогами;
Коза охотника кидает в бездну,
И даже вол, смиренный раб людей,
Что выю гнет послушно под ярмо,
Рассвирепев, могучими рогами,
Бросает в воздух своего врага.

Вальтер Фюрст.

Когда бы наши три кантона с нами
Согласных были мыслей,—о, тогда бы
Мы, может быть, свершили что-нибудь.

Штауффахер.

На Ури зов—восстанет Унтервальден,
Восстанет Швиц в союзе тесном с нами.

Мельхталь.

Есть в Унтервальдне много у меня
Таких друзей, которые охотно
Прольют и кровь свою, была бы только
Подмога им. Вы, мудрые отцы
Страны родной,—я юноша меж вами,
И мне при вас молчать бы надлежало;
Пусть молод я и опытностью беден,
Но вы моих речей не отвергайте...
Не молодая кровь кипит во мне,
Меня влечет в отчаянье,—оно
И в камнях скал отыщет состраданье!
И вы, отцы, главы своих семейств,
И вы себе желаете сынов
Достойных, чтоб власы седые ваши
От поруганья защищать могли;
О, если вас еще не разорили,
И не теряли вы своих очей,
То не чуждайтесь и наших бед,
Ведь и над вами меч висит тирана!
И вы, как мой отец, всегда старались
У Австрии владычество отнять,
А потому и вам страшиться должно.

Штауффахер (Вальтеру Фюрсту).

Решитесь вы,—я следую за вами.

Вальтер Фюрст.

Послушаем, что скажут господа,
Владетели Оиллина, Аттингауза,—
Их имя нам друзей доставить может.

Мельхталь.

Но чье, скажите, чье почтенней имя,
Чем ваши имена в горах у нас?
Народ привык их слышать с уваженьем,
Они в стране имеют вес большой.
Обширное отцов своих наследье
Обогатили вы. Зачем же нам
Звать рыцарей? Мы справимся одни;
Я думаю, без помощи других
Себя мы храбро защитить сумеем.

Штауффахер.

Вельможам не знакомы наши нужды...
Поток, бушуя в низменных местах,
Еще пока не досягал вершины;
Но в помощи они нам не откажут,
Когда мы все возьмемся за ружье.

Вальтер Фюрст.

Когда б у нас посредник был у трона,
Тогда б закон и право мы нашли;
Но притеснитель наш — сам император;
Он наш судья — так пусть Всевышний Сам
Защитником нам будет. Вы друзей
Сберите в Швине; в Ури я сберу,
Но в Унтервальден нам кого б отправить?

Мельхталь.

Кого ж, как не меня? мне ближе всех.

Вальтер Фюрст.

Я не хочу: ты гость мой, за твою
Свободу я ответчик.

Мельхталь.

О, пустите!

Я знаю все ущелья, все тропинки;
Да и друзей найду я там довольно, —
Они меня сокроют от врагов.

Штауффахер.

Пусть с Богом он идет туда. Там нет
Предателей: там ненависть к тирану
Так велика, что нет ему клеветов,
Да и Альцельнца мы пошлем туда же,
Собрать друзей и возмутить страну.

Мельхталь.

Но как же нам друг другу весть подать,
Чтоб подозренье обмануть тирана?

Штауффахер.

Сойтись мы можем в Бруннене или в Трейбе,
Где пристают торговые суда.

Вальтер Фюрст.

Так, действовать открыто нам не должно!
Вот что я думаю: от озера
Налево, где идет дорога в Бруннен,
Есть скрытая в густом лесу долина,

У пастухов она зовется Рютли,
На этом месте сходятся границы

(к Мельхталю)

Кантонов наших. В легком челноке

(к Штауффахеру)

Из Швица вы как раз туда домчитесь,
А мы ночной порой туда придем
На совеща́нье скрытою тропинкой.
Туда ж мы можем привести с собой
По десяти товарищей надежных,
И, сговорившись, с помощью Божьей,
Немедленно начнем свои дела.

Штауффахер.

Пусть будет так. Теперь, друзья мои,
Соединим взаимно наши руки;
И как теперь мы трое здесь стоим,
Сплетясь руками в дружеском союзе,
Так с'единим на общую защиту
Мы наши три земли — на жизнь и смерть!

Вальтер Фюрст и Мельхталь.

На жизнь и смерть!

*(Они, соединяя руками, молча стоят несколько
времени).*

Мельхталь.

Отец, лишенный зренья,
Ты не увидишь дня освобожденья;
Но ты услышишь, как с вершин нагорных

Подымутся сигнальные огни,
И с грохотом падут твердыни гордых,
Настанут нам свободы вечной дни!
И весть о том стрелой к тебе домчится,
И ночь твоя днем ясным озарится!

(Они расходятся).

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Замок барона Аттингаузена.

Готическая зала, украшенная трофеями и шлемами. Барон—85-ти-летний старец, высокого роста и благородной осанки, одет в теплый шлафрок на меху, и держит посох с охотничьим рогом вместо набалдашника. Куони и шесть служителей стоят вокруг с граблями и косами. Ульрих Фон-Руденц входит в рыцарском одеянии.

Руденц.

Что вам угодно, дядюшка? Я здесь.

Аттингаузен.

Позволь сперва, по древнему обыкью,
С вассалами напиток разделить.

(Он пьет из кубка и потом передает его другим)

Бывало в поле сам ходил я с ними,
И сам за их работами смотрел,
Со знаменем на брань летал я с ними;

Теперь мне лишь дворецким быть осталось,
И если солнце не придет ко мне,—
То не могу идти за ним на горы.
И так, что день, то круг теснее мой,
Я движусь в нем все медленней и тише.
Теперь я тенью стал своей, а скоро
От тени той — останется лишь имя.

Куони *(подавая Руденцу кубок)*.

Возьмите, рыцарь.

(Руденц медлит).

Пейте; пусть у нас

Один сосуд, одно и сердце будет.

Аттингаузен.

Ступайте, дети; вечером мы с вами
О наших побеседуем делах.

(Вассалы уходят).

Аттингаузен.

Я вижу, ты совсем уж снарядился:
В Альторфский замок ты собрался, верно?

Руденц.

Да, дядюшка, и медлить мне нельзя.

Аттингаузен *(сидясь)*.

Куда же ты спешешь? Ужели юность
Твоя так временем скудна, что дяде
Не можешь ты минуты уделить?

Руденц.

Я вижу, что вам нужды нет во мне,
Что в этом доме я как отчужденный.

Аттинггаузен (пристально смотрит на него
несколько времени).

Да, к сожаленью, правда! край родной
Тебе давно стал чуждым! Ульрих, Ульрих!
Не узнаю тебя я боле. Весь в шелку,
На голове павлиньи веют перья,
Плащ бархатный накинута на плечо;
С презреньем на крестьянина ты смотришь,
Тебя стыдит его привет радушный.

Руденц.

Почтение охотно воздаю,
Но прав своих ему не уступаю.

Аттинггаузен.

Отчизна вся под тяжким гневом власти,
Все граждане с печалью и тревогой
Тиранов терпят, одного тебя
Всеобщая печаль не беспокоит;
Лишь ты один чуждаешься своих,
На стороне врагов земли родимой
Смеешься над несчастием народа;
Утех веселых, милостей придворных
Ты ревностный искатель—между тем
Под тяжким игом родина страдает.

Руденц.

Под игом родина?—Но отчего же?
Кто вверг ее в подобное несчастье?
Одно лишь слово стоило сказать,
Чтоб положить конец такому горю
И милости монаршей заслужить.
Но горе тем, кто ослепил народ
И отвратил его от лучшей доли!
Из собственной лишь выгоды они
Препятствуют, чтобы кантоны наши
Присягу дали Австрии, как всюду.
Им хорошо с дворянством наравне
Здесь восседать—владыкой *государя*
Иметь хотят, чтоб *вовсе* без владык
Существовать.

Аттинггаузен.

Подобные слова
Приходится из уст твоих мне слышать!

Руденц.

Вы начали, позвольте кончить мне.
Какую ж роль играете вы сами?
Ужели в вас нет гордости, что вы
Хотите здесь владетельным бароном
Сидеть и с пастухами управлять?
Не лучше ль, не славнее ль будет выбор
Державному властителю служить,
К его двору блестящему примкнуть,
Чем быть вельможей средь своих рабов
И на суде встречаться с мужиками!

Аттинггаузен.

Ах, Ульрих, Ульрих! узнаю я голос
Прельстителей—они очаровали
Твой слух и отравили ядом сердце!

Руденц.

Да, я не скрою—горько было мне
Сносить насмешки гордых чужеземцев;
Я вынести ругательств их не мог.
Меж тем как юноши летят отсюда
К знаменам Габсбургским за славой, я,
Я, праздный, здесь сижу в своем наследьи,
В занятиях простых теряю дни
Весны моей цветущей. Где-то там
Великие свершаются дела,
Блистательно вдали сияет слава;
А у *меня* заржавел шлем и щит;
Ни стук мечей, ни звук трубы военной,
Ни зов герольдов на турнир—ничто
Не долетает к нам в долины; здесь
Я слышу лишь пастушечьи напевы,
Да стад однообразный этот звон.

Аттинггаузен.

Так! презирай отчизну, презирай,—
Слепец, мишурным блеском завлеченный!
Стыдись ее обычаев священных!
Но будет время—с горькими слезами
К родным горам стремиться будешь ты,
И самые напевы пастухов,
Которыми теперь пренебрегаешь,

Твой гордый дух страданьем возмутят,
Когда ты их услышишь на чужбине.
О, в нас сильна любовь к родному краю!
Не для тебя обманчивый тот мир:
Там, при дворе блестящем государя
Ты будешь чуждым самому себе.
В том мире нужны доблести не те,
Какими здесь в горах ты отличался.
Иди туда, продай свою свободу,
Возьми поместье, сделайся рабом,
Когда не хочешь сам быть господином
И собственным наследьем управлять!
Ах, Ульрих! нет! останься лучше с нами,
И не ходи в Альторф! Не презирай
Забот священных о своей отчизне.
Бездетен я,—со мною пресечется
Мой древний род. Вот этот шлем и щит
Вы положить должны ко мне в могилу.
Ужели думать мне в последний час,
Что ты моей кончины только ждешь,
Чтоб все мои свободные поместья,
Что Бог мне дал, от Австрии принять?

Руденц.

Мы королю противимся напрасно;
Ему покорен свет: ужели мы,
Одни с своим упорством своевольным,
Ту цепь земель способны разорвать,
Которую вокруг нас обвел могучий?
Суды, дороги, рынки,—все ему
Принадлежит, и даже табуны

Готтардские,—и с тех берет он податъ.
Мы заперты, опутаны, как сетью,
Со всех сторон владеньями его.
И защитит империя ли нас?
Сама себя оборонить не может
От сильной Австрии. Когда сам Бог
Нам помощь не пошлет,—какой король
Ее пошлет нам? Что в их обещаньях,
Когда они, в нужде, за деньги могут
Все города, прикрытые орлом
Империи, продать и заложить?
Нет, дядюшка! умней и лучше будет
В такие времена раздоров стать
Под кров надежный сильного владыки.
Имперская корона переходит
От рода к роду, и для службы верной
Нет памяти у ней. Но у монарха
Могучего быть в милости—все то же,
Что с пользою посеять.

Аттинггаузен.

Рассудил!

Ты хочешь быть умней своих отцов,
Которые свободу дорожуют
Готовы были кровью искупить.
Ступай в Люперн, да расспроси-ка там,
Как тягостно владычество австрийцев!
Они и к нам придут, овец и скот
Пересчитают, Альпы размежут,
В лесах свободных запретят охоту,
К воротам нашим и мостам приставят

Свои шлагбаумы и пошлиной будут
Обогащаться нашей нищетой,
И покупать сраженья нашей кровью.
Нет! если кровь свою нам проливать,
Так лучше за *себя*, дешевле нам
Свобода обойдется, чем неволя!

Руденц.

Но что ж мы, пастухи, что можем сделать
Альбертовым войскам?

Аттинггаузен.

Узнай сперва

Ты этих пастухов,—тогда суди!
Я знаю их: я их водил на битвы,
Они при мне сражались под Фавенцем.
Пусть их придут, на нас ярмо наложат,
Увидишь, как его мы понесем!
О, научись свой род и племя чтить!
И не бросай за блеск пустой, мишурный,
Своей неложной, драгоценной чести!
Главою быть свободного народа,
Который с искренней к тебе любовью
Доверчиво с тобой пойдет на смерть,
Вот чем гордись! вот истинная слава!
Не расторгай родных, священных уз,
Не оставляй своей отчизны милой,
Всем сердцем, всей душой к ней прилепись!
В ней твердый корень сил твоих хранится;
Но там, в стране чужой, ты одинок,
Как тонкий прут сломается от бури.

О, возвратись в объятия своих!
Один лишь день нам подари, лишь нынче
Не ездь в Альторф! слышишь? Только нынче;
Останься с нами только в этот день!

(Берет его руку).

Руденц.

Я слово дал пустите,—им я связан.

Аттинггаузен *(оставляет его руку)*.

Ты связан? Да, ты связан, злополучный!
Не словом данным и не клятвой—нет!
Любовные тебя связали узы!

(Руденц отворачивается).

Скрывай свое лицо. Я знаю все:
Тебя очаровала Берта Брунек,
Она тебя влечет к имперской службе.
Достать себе невесту хочешь ты
Изменою отчизне? Ты обманут!
Невестою они тебя желают
Лишь приманить, она ж не для тебя.

Руденц.

Я слышал уж довольно. До свиданья!

(Уходит).

Аттинггаузен.

Остановись, безумец! Он ушел!
Спасти его не в силах я—вот так
От родины отпал и Вольфеншисен,
Так и другие отпадут! Их всех
Насильственно влечет очарованье

Туда, за горы, в незнакомый край.
О, злополучный час, когда чужие
Пришли в эти счастливые долины
Нарушить мирных нравов простоту!
Все новое втесняется сильнее,
Все древнее, почтенное отходит,
И времена, и мысли—все другое!
Зачем же я живу? давно в могиле
Все те, с которыми я вместе жил.
Мой век—земля покрыла; счастлив тот,
Кто жить не должен с новым поколеньем!

(Уходит).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Долина, окруженная высокими скалами и лесом.

На скалах проложены тропинки со ступенями, по которым сходят поселяне. В глубине сцены видно озеро, над которым сначала видна лунная радуга. Даль представляет перспективу высоких гор, из-за которых видны еще более высокие снежные горы. Темная ночь; только озеро и ледники блестят, освещенные луною.

Мельхталь, Баумгартен, Винкельрид,
Мейер Сарнен, Буркгард Бюхель, Ар-
нольд Сева, Клаус фон-дер-Флюе и еще
четыре поселянина; все вооружены.

Мельхталь *(еще за сценою)*.

Вот горная тропа, за мной ступайте!
Теперь узнал и скалы я и крест;
На месте мы,—здесь Рютли.

(Выходят с факелами).

Винкельрид.

Чу! послушай!

Сева.

Все тихо.

Мейер.

Ни души. Мы прежде всех
Сюда пришли; мы, Унтервальденцы!

Мельхталь.

Что, чай уж поздно?

Баумгартен.

Сторож в Селисберге
Два прокричал еще не так давно.
(Вдали слышен звон).

Мейер.

Чу! слышите?

Бюхель.

В лесной часовне, в Швице,
За озером к заутрени звонят.

Фон-дер-Флюе.

Да, воздух чист—и звук несет далеко.

Мельхталь.

Подите кто-нибудь, зажгите хворост,
Чтоб он горел, когда придут другие.
(Двое поселян уходят).

Сева.

Ночь лунная прекрасна; неподвижно,
Как зеркало, там озеро лежит.

Бюхель.

Тем легче будет плыть им.

Винкельрид (показывая на озеро).

Ах! смотрите!

Смотрите-ка туда!

Мейер.

Ну, что же там?

Ах, в самом деле—радуга!—и ночью!

Мельхталь.

Свет месяца ее образовал.

Фон-дер-Флюе.

Вот редкое, чудесное явление!
Иной умрет, такого не видав.

Сева.

Над ней еще другая, побледнее.

Баумгартен.

Но вот теперь вдали видна ладья.

Мельхталь.

То Штауффахер плывет. Старик почтенный,
Он не заставил долго ждать себя.
(Идет с Баумгартеном к берегу).

Мейер.

Да вот из Ури только что-то медлят.

Бюхель.

Нельзя ж,—им по горам далек обход,
Чтоб не сойтись с раз'ездами ландфогта.

(Между тем, два поселанина среди сцены разложили огонь).

Мельхталь (у берега).

Кто там? Скажите!

Штауффахер (свизу).

Всё друзья страны.

Все уходят в глубину сцены навстречу прибывшим.
Из лодки выходят: Штауффахер, Итель Рединг, Ганс Мауер, Иорг Гоф, Конрад Хун, Ульрих Шмид, Иост Вейлер и еще три поселанина, также вооруженные.

Все (громко).

Привет вам всем!

(Между тем как другие остаются в глубине сцены и приветствуют друг друга, Мельхталь и Штауффахер выходят вперед).

Мельхталь.

О, Штауффахер! я видел
Того, кто на меня глядеть не может!
К его очам прикладывал я руку,
И мстью пылкой сердце напиталось
Из глаз его, погасших навсегда.

Штауффахер.

Не говори о мщеньи. Не отмщать,
Но встретить зло грозящее должны мы.
Скажи теперь, как в Унтервальдне ты
Устроил все? Нашел ли там друзей?
Что думают об этом поселяне?
Как сам ты спасся от сетей измены?

Мельхталь.

Через Суренна грозные вершины,
По ледяным полям необозримым,
Где только слышен хриплый крик орлов
Дошел я до Альпийских паств, куда
Из Ури пастухи и с Энгельберга
Свои стада гоняют совокупно.
Я жажду утолял свою водой,
Струящейся из ледников в лощины;
Я в хижины пустые заходил
Хозяином и гостем,—наконец,
Достиг жилищ людей гостеприимных.
Уж разнеслась в долинах этих весть
О новых здесь свершившихся злодействах;
Мое несчастье доставляло мне
У всех дверей привет и уважение.
И я нашел, что все и там равно
На новое правление негодуют.
Как Альпы их всегда, из года в год,
Одни и те ж растения питают,
Как их ручьи текут однообразно,
Как облака и даже ветры их
Летят своей стезею неизменной—

Так неизменно нравы старины
От предков здесь к потомкам перешли.
Они не терпят дерзкой новизны
В ходу своей однообразной жизни.
Они с радушием мне жали руки,
Со стен снимали ржавые мечи,
И в их глазах горел огонь отваги,
Когда я произнес им имена,
Священные для наших поселян,
Твое и Вальтер Фюрста; и они
Клялись исполнить все, что вы велите,
Клялись за вами следовать на смерть.
Так я, из дома в дом, ходил под кровом
Священного гостеприимства прав,
И так пришел в родимую долину,
Где много у меня живет родных,
Нашел отца, слепого, в нищете,
И на чужой соломе, что ему
Из состраданья подостлали...

Штауффахер.

Боже!

Мельхталь.

Но я не плакал! Не хотел в ничтожных
Слезях излить тоски моей ужасной;
Ее в груди своей, как драгоценность,
Я схоронил, и думал лишь о деле.
Я проникал во все ущелья гор,
Я проходил все скрытые долины,
И у подошвы вечных ледников

Я посетил смиренные жилища.
Куда свои стопы ни направлял,
Везде я видел ненависть к тиранству,
И даже там, на рубеже творенья,
Где ничего земля не производит
Для жадности врагов,—и даже там
Я возбудил к восстанию народ.
Он наш теперь и сердцем, и душою.

Штауффахер.

Ты много сделал в столь короткий срок!

Мельхталь.

Я сделал больше. Эти две твердыни,
Росберг и Сарнен, страшные для всех,
Где, скрытые за стенами, враги
Сидят, для нас выдумывая ковы,
Хотел своими видеть я глазами:
Я Сарнен посетил и видел замок.

Штауффахер.

И ты посмел войти в пещеру тигра?

Мельхталь.

В одежде пилигрима я там был;
Я видел там ландфогта за обедом.
Судите же, могу ль собой владеть я:
Врага я видел там—и не убил.

Штауффахер.

Ну, счастье помогло твоей отваге!

(Между тем, другие поселяне приближаются).

Теперь скажи мне, кто твои друзья,
Которых ты сюда привел с собою?
Дай их узнать, чтоб мы могли друг другу
Доверчиво сердца свои открыть.

Мейер.

Кто вас не знает в наших трех кантонах?
Из Сарнена я Мейер, а вот это—
Племянник мой, из Винкельрида Струг.

Штауффахер.

Ты имя мне знакомое сказал:
Был Винкельрид, который умертвил
Дракона в вейлерских болотах,—и
Сам пал в бою.

Винкельрид.

То был мой предок, Вернер.

Мельхталь (показывая на двух поселян).

Вот эти за лесом живут,—они
Церковные вассалы Энгельберга;
Но вы не презирайте их за то,
Что нет у них наследья, как у нас,
Они отчизну любят.

Штауффахер (к обоим).

Дайте руку!

Счастлив, кто независим от другого,
Свободен на своей земле, но честность
Во всяком звании имеет цену.

Конрад Хун.

Вот Рединг, наш старинный ландамман.

Мейер.

Его я знаю. Он соперник мой:
У нас с ним тяжба об одном участке.
Да, Рединг, мы враги перед судом,
Но здесь товарищи.

(Жмет его руку).

Штауффахер.

Умно сказал.

Винкельрид.

Они идут! чу! слышите рог Ури?

(Справа и слева по скалам входят вооруженные
люди с факелами в руках).

Мауер.

Вон с ними и служитель алтаря,
Почтенный их священник; не взирая
На трудный путь и ночи мрак, идет он,
Как верный пастырь, стадо сохранять.

Баумгартен.

С ним Петерман идет и Вальтер Фюрст;
Но Телля я не вижу между ними.

Вальтер Фюрст, Рессельман (пастор), Пе-
терман (кистер), Куони, Верни, Руоди и еще
пятеро поселян. Все, числом тридцать три, стано-
вятся вокруг огня.

Вальтер Фюрст.

Итак, на собственном своем наследьи,
На отческой земле должны мы тайно
Сходиться здесь, как будто бы убийцы,
И в ночь, под черной мрака пеленой,
Который лишь преступникам приятен,
Должны свои права мы защищать,
Когда они и чисты, и светлы,
Как солнца свет в безоблачной лазури.

Мельхталь.

Пусть будет так. Что ночи мрак посеет,
То днем к свободе, к радости созреет.

Рессельман.

Послушайте, что мне внушил Господь!
Мы составляем общество сограждан,
И здесь за весь народ имеем голос;
Приступим же теперь мы к совещанью
По древнему обычаю земли.
Чего ж не достает в собрание нашем,
То обстоятельства нам извинят;
Господь везде, где правый суд творится,
Не под Его ли небом мы стоим?

Штауффахер.

Так! мы поступим, как велит обычай;
Хоть ночь теперь, но светло наше право.

Мельхталь.

Не полны мы числом, да сердце здесь
Всего народа: лучшие при нас.

Конрад Хун.

Хоть нет при нас старинных наших книг,
Но мы в сердцах храним их начертанье.

Рессельман.

Итак, друзья, составим круг теперь.
Вонзите в землю меч—орудье власти!

Мауер.

Пусть ландамман займет в середине место,
А по бокам товарищи его.

Петерман.

Здесь три народа,—так кого ж из них
Мы изберем главою быть над нами?

Мейер.

Пусть с Ури Швиц об этом соревнует:
Им Унтервальден уступить готов.

Мельхталь.

Да, он готов им уступить. Он просит
О помощи друзей своих могучих.

Штауффахер.

Так пусть же Ури меч вонзит: в походах
Его хоругвь несется впереди.

Вальтер Фюрст.

Нет! этой чести Швиц один достоин:
Мы все гордимся племенем его.

Рессельман.

Я разрешу ваш благородный спор:
В совете Швиц, в войне пусть Ури правит.

Вальтер Фюрст (подает Штауффахеру меч).
Возьмите!

Штауффахер.

Нет, здесь старше есть меня.

Гоф.

Здесь старше всех годами Ульрих Шмид.

Мауер.

Почтенный муж, но крепостной—и в Швице
Судью быть поэтому не может.

Штауффахер.

Но вот ваш Рединг, ландамман старинный,
Где более достойного найдем?

Вальтер Фюрст.

Пусть амманом он будет и главою!
Согласен кто, тот руку подыми.

(Все поднимают правую руку).

Рединг (выступает на середину).

Нельзя руки мне положить на книги,
Но вечными светилами клянусь,
Что никогда не удалюсь от правды.

Пред ним вонзают два меча; все составляют круг;
Швиц занимает середину, Ури—правую, у Ун-
тервальден—левую сторону. Рединг стоит
опершись на меч.

Рединг.

Скажите мне, зачем, покинув горы,
Три племени в полночный час пришли
Сюда, на берег озера пустынный?
Какой предмет их нового союза,
Который здесь под небом заключают?

Штауффахер (входит в круг).

Союз не новый заключаем мы,
Но древний, наших предков, мы теперь
Возобновить желаем! Знайте, братья,
Хоть воды нас и горы разделяют,
И хоть у нас и разное правление,
Но род у нас один и кровь одна,
И нас одно отечество вскормило.

Винкельрид.

Так значит—в песнях правильно поется,
Что из далеких стран сюда пришли мы?
О, расскажите нам, как это было,
Чтоб старым новый подкрепить союз.

Штауффахер.

Вот как о том рассказывают старцы.
Жил некогда на севере далеко
Большой народ; настал тяжелый год,
Все вздорожало, и решились люди,
Чтобы из них, по жребию, десятый
Оставил край родной;—так и сбылось.
И вот, печально побрела толпа
Мужчин и жен на полдень, пробивая

Себе мечом сквозь землю немцев путь,
Пока достигла этих гор лесистых.
Все шли они вперед, и, наконец,
Пришли к долине дикой, где теперь
Течет Муотта в берегах зеленых.
Следов людских здесь не было заметно,
Лишь хижина у берега стояла,
Да лодочник сидел у перевоза;
Но озеро так сильно волновалось,
Что плыть нельзя им было; осмотрев
Весь этот край, заметили они,
Что он богат и лесом, и водою,
И им казалось, что они нашли
Опять свою отчизну дорожку.
Тогда решились здесь они остаться,
Построили селенье Швиц, и много
Тяжелых дней трудились, вырывая
Деревья с их ветвистыми корнями.
Потом, когда размножилось число их,
И тесно стало им, тогда они
Подвинулись до Черных гор, и даже
До Вейсланда, где, за громадой льдов,
Живет другой народ с другою речью.
Местечко Станц построили в Кернвальде,
Местечко Альторф на долине Рейс.
Но памятен их род на век остался;
От всех чужих племен, которым после
Пришлось у них в долинах поселиться,
Мужей из Швица можно отличить:
В них благородны и сердца, и кровь.

(Подает руку направо и налево).

Мауер.

Да, в нас и кровь одна, и сердце тоже!

Все (простирая друг в другу руки).
Мы, как один народ, согласны будем!

Штауффахер.

Другие чуждое несут ярмо;
Они все сами сильным покорились;
Таких рабов и в нашей стороне
Найдется много,—все они в неволе,
И рабство их наследуют и дети.
Но мы, потомки славного народа,
Свободу сохраняли мы всегда,
Владыкам никаким мы не служили
И добровольно стали под покров
Империи.

Рессельман.

Да! сами мы себе
Ее покров избрали. Так стоит
В письме, что дал нам император Фридрих.

Штауффахер.

Да, и свободные не безначальны.
Начальник должен быть, судья верховный,
К кому б мы в расприх прибегать могли,
И потому-то предки наши сами,
За землю, на которой поселились,
Просили цесаря, как властелина
Всех италийских и германских стран,
Чтоб они их под свой покров принял,

И обещались быть ему всегда
Союзниками в войнах: это долг
Единственный свободных—защищать
Того, кто им защитой служит.

Мельхталь.

Что сверх того, уж будет признак рабства

Штауффахер.

Они, когда настало время смут,
Под знаменем империи сражались.
В Италию ходили возлагать
На короля имперскую корону;
А дома сами правили собой
По собственным законам и обрядам.
Сам император лишь убийц судил,
И для того назначен был вельможа,
Но поселился он не здесь; его
Лишь в случаях убийства призывали,
И просто, ясно, под открытым небом,
Он без боязни суд свой изрекал.
Ну есть ли тут следы какого рабства?
Кто думает иначе, тот скажи!

Гоф.

Нет, все то правда, что сказали вы:
Мы никогда насилия не знали.

Штауффахер.

Мы государя слушаться не стали,
Узнав, что он блюдет монахов пользу.
Когда монахи завладеть хотели

Горами, на которых мы издавна
Пасем свои стада, когда аббат
Прислал сюда имперское письмо,
По коему ему дарились земли,
Где не было владетелей (как будто
Никто не знал, что мы здесь обитаем)—
То мы сказали: „Грамота подложна.
Не может государь дарить того,
Что нам принадлежит издавна; если ж
Империя откажет в праве нам—
Мы без нее в горах прожить сумеем“.
Вот как сказали предки наши! Нам ли
Терпеть бесчестье нового ярма?
От чуждого вассала то сносить,
К чему не мог принудить император?
Мы сами землю создали себе,
Своей рукой мы древние дубравы,
С пустынными берлогами зверей,
В жилища человека превратили;
Мы извели драконов хищных племя,
Которых яд болота заражал;
Мы разогнали облака туманов,
Висевшие над этою пустыней,
Разбили скалы, провели над бездной
Для путников удобные дороги;
Наш этот край, мы им века владеем,
И чтоб посмел чужой вассал явиться
Сюда и нам оковами грозить,
И нас позорить на родной земле!
Да разве мы не можем защищаться?

Сильное волнение между поселянами.

Нет! должен быть насилью предел:
Коль угнетенный права не находит,
Коль для него несносно стало бремя,
Тогда он смело к Небу обратись:
Там все свои права отыщет он,
Там все они, как вечные светила,
Ненарушимо, тверды, неизменны!
Пусть времена старинные вернутся,
Где человек был человеку враг.
Когда ничто помочь ему не может,
Тогда ему остался—острый меч.
Свое добро должны мы защищать!
Мы восстаем за милую отчизну,
Мы восстаем за жен и за детей!

Все (ударяя по мечам).

Мы восстаем за жен и за детей!

Рессельман (входит в круг).

Но прежде, чем возьметесь за мечи,
Подумайте, нельзя ли помириться!
Одно лишь слово—и тираны ваши
К вам станут ласковы. Приказ гласил:
Империю оставьте, а признайте
Владычество вы Австрии могучей.

Мауер.

Что говорит он? Австрии присягу?

Бюхель.

Не слушайте его!

Винкельрид.

Так говорит
Изменник, враг отчизны!

Рединг.

Успокойтесь,

Друзья мои!

Сева.

Чтоб мы, за притеснения,
Австрийцам присягнули? Никогда!

Фон-Дер-Флюе.

Ужели мы насилью то уступим,
В чем ласкам отказали?

Мейер.

О, тогда

Мы все рабы и рабство заслужили!

Мауер.

Пусть потеряет все права швейцарца,
Кто подчиниться Австрии предложит!
Ландамман, я стою на том, чтоб это
Законом первым было между нами.

Мельхталь.

Да! кто вперед нам скажет о присяге,
Тот должен прав и почестей лишиться,
И пусть никто в свой дом его не пустит.

Все (подымают правую руку).
Да! мы хотим, чтоб было то законом!

Рединг (после краткого молчания).
Да будет так!

Рессельман.
И вот, друзья, теперь
Свободны вы—чрез этот лишь закон.
Да не получит Австрия то силой,
Чего не получила дружелюбно!

Иост Вейлер.
Теперь приступим к делу!

Рединг.
—Но скажите,
Друзья мои, испытаны ль все средства?
Быть может, сам король того не знает,
Что терпим мы? с его ль соизволения?
Мы всё должны узнать и испытать;
Сперва пошлем мы жалобу к нему,
Откажет он,—тогда за меч возьмемся.
Хоть право наше дело, но всегда
Насилие ужасно, и Господь
Тогда лишь нам защиту посылает,
Когда защиты нет от человека.

Штауффахер (Конраду Хуну).
Теперь скажи нам, что тебе известно.

Конрад Хун.

Я ездил в Рейнфельд, в замок королевский,
Чтоб на ландфогтов жалобу принести
И испросить у нового монарха
Возобновления древних наших льгот.
Там депутатов много я увидел
Из Швабии и с Рейнских берегов;
И все они свои достали льготы
И весело в отчизну возвратились.
А я, ваш депутат, в совет был призван,
И там сказали мне: „Наш император
Теперь делами занят; но он вспомнит
Об вас когда-нибудь, в другое время“.
Тогда, печальный, я пошел от них,
И, проходя по залам королевским,
Вдруг вижу—герцог Иоанн стоит,
И слезы на глазах его, при нем
Тут были Варт и Тегерфельд; они,
Позвав меня, сказали мне: „Надейтесь
Лишь сами на себя, а от монарха
Не ждите справедливости: не он ли
У своего племянника родного
Отцовское наследье отнимает?
Вот герцог уж теперь в годах, и сам
Своей землей законно может править
Он стал просить родительских владений
У короля, и что же тот ответил?
Он на него венок надел, сказав:
Пусть будет это юности убором“.

Мауер.

Слыхали? Справедливости не ждите
От короля. Надеемся на себя!

Рединг.

Нам больше ничего не остается.
Решим теперь, как дело нам вести.

Вальтер Фюрст (входит в круг).

Мы наше иго сбросить лишь хотим
И сохранить старинные права,
Которые нам предки завещали;
Но новых прав искать мы не должны.
Пусть кесарево кесарю воздастся,
Кто подчинен—пусть долг свой исполняет.

Мейер.

От Австрии я лен свой получил.

Вальтер Фюрст.

Так продолжай платить ей, что обязан.

Иост Вейлер.

Я Рапперсвейлю подати плачу.

Вальтер Фюрст.

Так продолжай платить их, как и прежде.

Рессельман.

Я цюрихской обители присяжный.

Вальтер Фюрст.

Церковное ты церкви отдавай.

Штауффахер.

Свой лен я от империи имею.

Вальтер Фюрст.

Все делайте, что должно, но не больше;
Ландфогтов мы должны прогнать отсюда
И замки их разрушить; но заметьте,
Без крови, если можно. Пусть увидит
Наш император, что одна нужда
Заставила к насилию прибегнуть.
И если мы останемся в границах,
Он укротит свой гнев благоразумно:
Страшнее тот народ, который может
Смирить себя с оружием в руках.

Рединг.

Но как же мы начатое покончим?
Враги не безоружны, и наверно
Не захотят без боя уступить.

Штауффахер.

Они уступят, если нас увидят
С оружием; мы их врасплох застанем.

Мейер.

Сказать легко, да сделать это трудно;
У нас в земле две крепости стоят,
В них безопасен враг, и нам не взять их,

Когда король сюда прибудет с войском;
Росберг и Сарнен взять нам должно прежде,
Пока нигде мечей не обнажили.

Штауффахер.

Не медлите, чтоб враг не догадался;
Участников так много в нашей тайне.

Мейер.

Предателей в кантонах наших нет.

Рессельман.

Предать нас может лишнее усердьё.

Вальтер Фюрст.

Но если будем медлить, то в Альторфе
Отстроится темница и ландфогт
В ней укрепитя.

Мейер.

Вы лишь о себе

Хотите думать.

Петерман.

Вы несправедливы.

Мейер (вспыльчиво).

Несправедливы? мы? и Уриль может
Так говорить нам!

Рединг.

Тише, замолчите,
Во имя вашей клятвы!

Мейер.

Да, придется
Нам замолчать, когда и Швиц за Ури!

Рединг.

Тебя я должен обвинить пред всеми.
Ты вспыльчивостью нарушаешь мир.
Мы разве все не за одно стоим?

Винкельрид.

Не отложить ли нам до Рождества,
Когда мы по обычаю должны
Подарки отнести к ландфогту в замок?
Тогда б без подозренья, человек
Двенадцать в дом к нему войти могли бы,
Свои кинжалы в посохах сокрыв,
За тем, что в замок никого не впустят
С оружием. Другая же толпа
Пусть будет наготове в ближнем лесе.
Когда же те счастливо завладеют
Воротами, тогда затрубят в рог,
И эти к ним нахлынут из засады,
И замок покорится нам легко.

Мельхталь.

А в Росберг я могу проникнуть, — там
Есть девушка, которая со мною

Дружна, и согласится без хлопот
Мне для свиданья лестницу спустить;
Взберусь по ней, — друзья во след за мною!

Р е д и н г.

Что, все ль хотят отсрочки? отвечайте!

(Большая часть поднимает руки).

Ш та у ф ф а х е р (считая голоса).

Двенадцать — против, за отсрочку — двадцать.

В а л ь т е р Ф ю р с т.

И если в день назначенный падут
Все замки, — мы огнями на горах
К восстанию сигналы подадим,
И вся страна возьмется за оружие.
Тогда, поверьте, ни один ландфогт
Сразиться не посмеет и отсюда
Скорее удалиться поспешит.

Ш та у ф ф а х е р.

Меня страшит лишь Геслера упорство:
Он окружен своею грозной стражей,
И не уступит без кровопролитья.
Он даже изгнанный ужасен будет,
И падить его и трудно, и опасно.

Б а у м г а р т е н.

Меня туда пошлите, где опасно!
Я жизнь свою, спасенную мне Теллем,
С охотою за родину отдам,
Я отомстил за честь и сердце успокоил.

Р е д и н г.

Свершится все! С терпением ожидайте;
Что быть должно, то будет непременно.
Но вот, меж тем, как ночь мы здесь проводим,
На высотах уж утро занялось
Блестящее; теперь мы разойдемся,
Чтоб не застало нас светило дня.

В а л ь т е р Ф ю р с т.

Нет, — из долин ночь медленно уходит.

Все невольно снимают шляпы и в тишине смотрят на зарю.

Р е с с е л ь м а н.

Теперь, друзья, при первом свете дня,
Который нас приветствует, когда
Еще во мраке дремлют горожане,
Мы клятвою наш подтвердим союз.
Союзом братским будем мы отныне
Ни в горе, ни в беде не разлучимся.

(Все повторяют, подняв три пальца).

Свободны будем мы, как предки наши,
И лучше смерть, чем в рабской жить неволе.

(Все повторяют).

На Господа возложим упованье,
Могущества людского не боясь.

(Все повторяют. Поселяне обнимаются).

Ш та у ф ф а х е р.

Теперь пусть каждый мирно возвратится
Своей дорогой к ближним и друзьям.

Пастух свои стада пусть выгоняет
И в тишине для нашего союза
Товарищей собирает. Мы потерпим
До времени, — пусть нарастает наш
Расчет с тираном; но настанет день,
И мы зараз весь долг ему отплатим.
Смиряйте же правдивый гнев в себе,
Для целого свое храните мщенье;
Тот достоянья общего грабитель,
Кто сам себе в своих делах помощник.

Между тем, как они тихо расходятся в разные стороны, торжественно гремит оркестр; пустая сцена остается несколько времени открытою; видны первые лучи солнца, позлащающие снежные вершины гор.

АКТ ТРЕТИЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Двор перед домом Телля.

Телль плотничает; Гедвига занята домашнею работою. Вальтер и Вильгельм, дети их, в глубине сцены играют маленьким луком.

Вальтер (поет).

С луком гибким, со стрелою,
Чуть зардеется восток,
Скользкой горною стезею
Ходит весело стрелок.
Как в заоблачных вершинах
Коршун царствует один,
Так и он в горах, в долинах,
Самовластный господин.
Далью он лишь обладает,
Меток стрел его полет,
Все, что скачет и летает,
Он добычею берет.

(Подбегает к отцу).

Ах! у меня порвалась тетива;
Поправь ее мне, батюшка.

Телль

Ну нет!
Стрелок искусный сам поправить должен.
(Дети убегают).

Гедвига.

Раненко дети начали стрелять.

Телль.

Пусть учатся, чтоб знать свое искусство.

Гедвига.

Дай Господи им ввек его не знать!

Телль.

Все нужно знать им, все! Кому должно
В мятежном мире жить, пусть тот себя
К защите и к обиде приготовит.

Гедвига.

Ах! кто ж тогда найдет покой в семье
Своей?

Телль.

Мой друг! и я его не знаю.
Не в пастухи назначен я природой;
Без отдыха стремиться должно мне
К неизвестной цели. Я тогда лишь жизнью

Своею наслаждаюсь в полной мере,
Когда, что день, то новая борьба.

Гедвига.

А между тем печальная жена
Тебя домой со страхом ожидает.
Я с ужасом внимала всем рассказам
О ваших смелых подвигах в горах.
Мне чудится при каждом расставании,
Что я с тобой уж больше не увижусь;
Что будто ты меж ледяных громад,
Дорогу потеряв, скользишь по скалам,
И падаешь... Я вижу, как тебя
С собою в бездну серна увлекает,
Иль снежная лавина на тебя
С вершины катится, иль под тобою
Вдруг треснул лед, и ты летишь стремглав
И заживо скрываешься в могиле!..
Ах! в тысяче разнообразных видов
Стрелку отовсюду угрожает смерть!
Опасен, жалок промысел несчастный,
Который в бездну может лишь увлечь!

Телль.

Кто осторожен, силен и проворен,
Кто Господу душою предан,—тот
Опасности все преодолеет: горы
Тому не страшны, кто на них родился.
(Он кончил свою работу и кладет в сторону топор).
Теперь надолго дверь послужит нам.
Коль есть топор, так плотника не нужно.
(Берет шляпу).

Гедвига.
Куда идешь ты?

Телль.
К батюшке, в Альторф.

Гедвига.
Опасное затеял ты—признайся?

Телль.
Что вздумалось спросить тебе, жена?

Гедвига.
Есть заговор против ландфогтов; в Рютли
Сбирались на совет, и ты там был.

Телль.
Я не был там; но я не отделиюсь
От родины, коль позовет она.

Гедвига.
Тебя пошлют туда, где есть опасность;
Что потрудней, то взвалят на тебя.

Телль.
Исполнит каждый то, что будет в силах.

Гедвига.
Намедни ты с Баумгартеном, в грозу,
По озеру решился плыть; ведь диво,
Что вы спаслись. Ужели ты не думал
О детях, о жене?

Телль.
Мой друг! я думал;
И потому я детям спас отца.

Гедвига.
Плыть в этакую бурю! это значит
Испытывать Творца.

Телль.
Кто любит медлить,
Не много тот полезного свершит.

Гедвига.
Ты всем готов служить и помогать...
Будь сам в нужде, так все тебя оставят.

Телль.
Дай Господи—не знать такой нужды!..
(*Берет лук и стрелы.*)

Гедвига.
Зачем же ты с собою лук берешь?

Телль.
Я без него, как будто без руки.
Дети возвращаются.

Вальтер.
Отец! Куда ты?

Телль.

К дедушке в Альторф;
Не хочешь ли со мной?

Вальтер.

Хочу; пойдем.

Гедвига.

Теперь ведь там ландфогт, останься дома.

Телль.

Сегодня он уедет.

Гедвига.

Потому-то
И обожди, чтоб с ним не повстречаться;
Ты знаешь сам, что он на нас сердит.

Телль.

Мне гнев его не может повредить;
Живу я честно,—мне враги не страшны.

Гедвига.

Но честных-то он больше ненавидит.

Телль.

За то, что к ним придраться он не может.
Меня оставит он в покое, верно.

Гедвига.

Ты думаешь, а почему?

Телль.

Недавно

Охотился я в Шехенской долине,
В безлюдном, диком захолустье,—там
Я проходил пустынную тропинкой,
Где не было другой дороги мне;
Над головой моей висели скалы,
А подо мной кипел сердитый Шехен...

Дети подходят к нему, и с напряженным любопытством слушают его рассказ.

И вдруг со мною встретился ландфогт,
Который той же проходил дорогой.
Одни мы были с ним, лицом к лицу,
А подле нас зияла пропасть. Он,
Узнав меня, смутился,—верно вспомнил,
Что я недавно был обижен им,
И вот теперь я встретился ему,
С оружием, в пустынной стороне...
Он побледнел, колени задрожали,
Еще минута—и от страха он
Наверное свалился бы с утеса.
Но жалок он мне стал, и я к нему
С покорностью приблизился и молвил:
„Ведь это я, мой господин“. Но он
Ни слова мне на это, лишь рукою
Махнул, чтоб я прошел своей дорогой,
И я ушел, и слуг к нему прислал.

Гедвига.

Он пред тобой смутился,—берегись!..
Он этого вовек не позабудет.

Телль.

Не буду с ним сходиться, так и он
Искать меня не станет.

Гедвига.

Но хоть нынче,
Мой друг, ты не ходи туда, а лучше
Ступай стрелять.

Телль.

Чего же ты боишься?

Гедвига.

Мне нынче что-то грустно; не ходи!..

Телль.

Но отчего же? Разве есть причина?

Гедвига.

Нет, никакой; но, Телль, останься дома!

Телль.

Нельзя, мой друг, я слово дал придти.

Гедвига.

Ну так ступай,—оставь мне только сына

Вальтер.

Нет, матушка, пусти меня с отцом.

Гедвига.

И Вельти хочет мать свою оставить?

Вальтер.

Смотри, я принесу тебе гостинца
От дедушки.

(Уходит с отцом).

Вильгельм.

А я с тобой останусь.

Гедвига.

Да, ты мое любезное дитя,
Ты у меня один теперь остался!

(Она идет к воротам и долго провожает глазами уходящих).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Дикое, пустынное место в лесу; с гор ниспадают
насклады.

Берта, в охотничьем платье, вслед за нею Руденц

Берта.

Он здесь, и я могу с ним об'ясниться.

Руденц *(быстро подходит к ней)*.

Вот, наконец, я вас нашел одну.
Здесь заперты мы безднами кругом;
Я не страшусь свидетелей меж них,
И тяжкий гнет молчания снимаю.

Берта.

Но, может быть, мы близко от своих?

Руденц.

Они все там.—Теперь иль никогда!
Мгновеньем драгоценным дорожу—
Я знать хочу судьбы моей решение,
Хотя б чрез то и вас лишился я.
О, почему суровостью такую
Вооружились взоры ваши?—Да,
Я, дерзкий, я посмел о вас мечтать!
Еще ничем себя я не прославил,
Так мне ль себя с героями равнять,
Покрытыми блестящей, громкой славой?
Они достойны вас, а я ничтожен;—
В моей душе—лишь верность и любовь.—

Берта (важно и строго).

Но смеет ли об них тот говорить,
Кто изменить готов святому долгу?

(Руденц отступает в удивлении).

Раб Австрии, продавшийся врагам
И притеснителям его народа?

Руденц.

От вас ли, Берта, слышу я упрек?
Кого же, как не вас, у них искал я?

Берта.

Вы думали на стороне измены
Меня найти? Тогда б скорей сам Геслер
Моим супругом стал, чем недостойный сын
Швейцарии, который для него,
Для притеснителя, орудьем служит!

Руденц.

О, Боже, что я слышу!

Берта.

Что для сердца

Дороже счастья ближних может быть?
Скажите, что прекраснее названья
Защитника невинности гонимой,
Хранителя родных, священных прав?
За ваш народ душа моя страдает;
Да, я люблю его за то, что он
Так кроток и притом так полон силы;
И с каждым днем в душе моей растет
Привязанность к нему и уваженье.
А вы, кого долг чести и природа
Назначили в защитники ему,
Вы бросили его, ушли к врагам,
И с ними для него куєте цепи!
Поверьте, — я должна себя принудить,
Чтоб вас за то не презирать.

Руденц.

Но я

Ему желаю лучшее доставить —
Спокойствие под скипетром австрийским.

Берта.

Неволю вы готовите ему!..
Из крепости последней на земле
Свободу вы изгнать хотите. Нет

Не вам учить, где счастье народа;
Фальшивый блеск его не соблазнит.
А вас враги опутали сетями.

Руденц.

О, как должны меня вы презирать!

Берта.

Да, лучше б презирать мне вас; — но видеть
Того достойным одного презренья,
Кого любить желала...

Руденц.

Берта, Берта,
Вы мне сулите высшее блаженство,
И в тот же миг свергаете с вершины!

Берта.

Нет! в вас еще живет дух благородства;
Он дремлет лишь, — я разбужу его.
Вы силою хотели заглушить
В себе к добру врожденную склонность,
Но, к счастью, она сильнее вас,
И вы остались добрым, благородным.

Руденц.

Вы на меня надеетесь? О, Берта,
Чем стать я не могу с любовью вашей!

Берта.

Последуйте велению природы,
Исполните назначенный вам долг:

За свой народ, за родину свою
И за права священные восстаньте!

Руденц.

Но я тогда навеки вас лишусь,
Когда против империи восстану.
Вы от родных зависите, — они
Располагают вашею рукою.

Берта.

Но все мои владенья здесь лежат:
Когда освободите вы швейцарцев,
Тогда и я свободна буду.

Руденц.

Берта,
Какую мысль вы мне открыли!

Берта.

Вам

От Австрии меня не получить:
Там все моим прельщаются наследством,
И каждый приобрести его желает.
Корысть их хочет вас поработить;
Она и мне неволей угрожает.
О, друг! моя рука должна служить
Наградой любимцу властелина;
И там, где ложь, где козни обитают,
Меж тех людей я жить обречена!
Брак ненавистный ждет меня — спасти,
Одна любовь — любовь лишь ваша может

Руденц.

И вы б решились здесь остаться, Берта,
В моей отчизне быть моей женой?
О! все мои надежды, все желанья
К кому ж стремились, как не к вам одной?
Не вас ли я искал на поле славы?
Одна любовь тогда владела мной!
И вы б могли покинуть свет блестящий
И удалиться в мирный этот край?
О, так и я достиг желанной цели,
И свет меня не манит. Пусть шумит
Поток его игривый, ударяет
В надежный берег наших гор заветных!
Теперь я чужд желаний мимолетных
И не помчусь туда своей мечтой!
Пусть эти скалы, твердою стеной
Нас оградив в долине безмятежной,
Оставят нам лишь неба ясный свод
Открытым для очей!

Берта.

Теперь ты тот,
Каким тебя желала я найти:
Предчувствие меня не обмануло!

Руденц.

Прочь от меня ничтожные мечты!
Я счастье найду в горах родимых,
Где весело младенцем я расцвел,
Где тысячи предметов, мной любимых —
Ручьи, деревья — взор пленяли мой,

И ты в отчизне хочешь быть моею?
О, я всегда любил ее: она
Для полного блаженства мне нужна!

Берта.

Где ж, как не здесь, тот остров благодатный,
Прелестный край невинности святой,
Где никогда не ведали измены,
Где сохранилась верность старины?
Здесь потекут счастливо наши годы,
Средь безмятежной, сладкой тишины.
И вижу я, могущественный, славный,
В кругу людей свободных, ты один
От всех почтен, как властелин державный,
Господствуешь среди родных долин.

Руденц.

И вижу я тебя, венец всех жен,
Заботливой подругою моею,
И, счастливый любовью твоею,
Блаженством я небесным окружен!
Тобою все живет и процветает,
И все вокруг тебя благословляет!

Берта.

И вот, мой друг, могла ль я не грустить,
Когда ты сам свое земное счастье
Попрать хотел? Что было бы со мной,
Когда б меня тиран властолюбивый
Увлек с собою в мрачный замок свой?
Здесь замков нет, и от меня стеною
Не отделен народ любимый мною.

Руденц.

Но как спастись, как разорвать мне сети,
В которые запугал я себя?

Берта,

Расторгни их могучею рукою!
Что б ни было, вступишь за свой народ —
То твой природный долг!

Вдали слышен звук рогов.

Но вот трубят

Охотники. Расстанемся. Сразюсь
За родину, — ты за любовь сразишься!
Один и тот же враг нам угрожает,
Одна свобода нас освободит!

(Уходят).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Луг в Альтдорфе.

Впереди деревья, в глубине на шесте висит шляпа.
Перспектива замыкается горами, за которыми возвы-
шается цепь снеговых гор.

Фрисгард и Лейтгольд, на часах.

Фрисгард.

Напрасно, брат, мы стережем. Никто
Нейдет сюда отдать почтенье шляпе,
А ведь бывало здесь, как на торгу,
Кипел народ; вот чучело на шест
Повесили — и площадь запустела.

Лейтгольд.

Одна лишь сволочь лезет на глаза
И картузы протертые снимает,
А кто почище, — все кругом обходят
Другой дорогой, нужды нет, что дальше,
Лишь только бы не поклониться шляпе.

Фрисгард.

А давеча-то, в полдень, мимо нас
Из ратуши идти им должно было.
Вот, думал я, кого-нибудь поймаю,
Я знал, что не поклонится никто.
Ан тут явился поп их, Рессельман,
Который шел с дарами от больного,
Он, как нарочно, стал перед шестом,
А кистер в колокольчик зазвонил, —
И тотчас все упали на колени,
Перед святынею, не перед шляпой.

Лейтгольд.

Послушай, друг, вот если так подумать,
Мы здесь с тобой стоим как дураки;
Обидно для солдата быть на страже,
И перед чем? — пред шляпою пустой!
Ведь всякий, брат, над нами посмеется.
Вот вздумали, чтоб шляпе поклонялись!
По мне такой приказ — куда как глуп!

Фрисгард.

Какое дело, что пустая шляпа?
Ты ж кланяешься голове пустой.

Гильдегарда, Мехтильда и Эльсбета
приходят с детьми и становятся вокруг шеста.

Лейтгольд.

Ну уж и ты, услужливый бездельник,
Рад ни за что обидеть человека.
А я теперь—кто хочет, тот иди,
Зажмурюсь и глядеть не стану.

Мехтильда.

Дети!

Вот наш ландфогт!—почтенье окажите.

Эльсбета.

Дай Бог, чтоб он ушел, оставив нам
Одну лишь шляпу,—это было б лучше.

Фрисгард (отгоняет их).

Эй вы, бабье! что стали? Прочь отсюда!
Не вас нам нужно; вы мужей пришлите;
Посмотрим, как они храбриться будут.

Женщины уходят.

Телль идет, вооруженный луком, ведя за руку
сына; они, не замечая шляпы, проходят мимо.

Вальтер (показывая на горы).

А правда ли, что там в горах такие
Деревья есть—коль топором ударишь,
То кровь пойдет?

Телль.

А кто тебе сказал?

Вальтер.

Да наш пастух. Вишь—будто бы они
Священные, и кто их повредит,
У тех рука растет и тянет в землю.

Телль.

Они священные,—это справедливо.
Вон видишь ли те горы снеговые,
Которые ушли под облака?

Вальтер.

Там ледники, они гремят ужасно,
Когда с них ночью катятся лавины.

Телль.

Так вот, мой друг, они б давным-давно
Засыпали снегами наш Альтдорф,
Когда бы этот лес, там в вышине,
Не охранял его, как верный сторож.

Вальтер (немного подумав).

А есть такие земли, где нет гор?

Телль.

Когда, оставив за собой вершины,
Пойдешь все дале, по теченью рек,
Тогда придешь в обширные долины,
Где водные потоки не шумят,
Не пенятся, но медленно текут,
Там глаз не может обозреть окрестность,
Поля богатой жатвою цветут,
А вся страна, как сад разнообразный.

Вальтер.

Что ж, батюшка, зачем же мы скорее
Не перейдем в ту чудную страну,
А здесь живем в опасности и страхе?

Телль.

Хорош тот край, богат и плодоносен;
Но пахарь там не получает жатвы
С посева своего.

Вальтер.

И нет у них
Своих полей, как у тебя, свободных?

Телль.

Там земли короля и духовенства.

Вальтер.

Ну, так в лесах охотиться им можно?

Телль.

Дичь тоже королю принадлежит.

Вальтер.

Так рыбу им в реках ловить нельзя ли?

Телль.

Моря, озера, реки—все его.

Вальтер.

Да кто же этот страшный всем король?

Телль.

Лишь он один их кормит, защищает.

Вальтер.

А защитить себя не могут сами?

Телль.

Там ближнему довериться нельзя.

Вальтер.

Нет, батюшка, мне б тесно стало там,
Я лучше здесь в горах своих останусь.

Телль.

Да, правда, сын мой, лучше за спиною
Иметь уж ледники, чем злых людей.

(Хотят пройти мимо).

Вальтер.

Ах, посмотри-ка—шляпа на шесте!

Телль.

Пойдем, пора; нам до нее нет дела.

Между тем как он хочет идти, Фрисгард копьем
заграждает ему дорогу.

Фрисгард.

Во имя императора! Ни с места!

Телль *(хватаясь за копьё)*.

Зачем ты пропустить меня не хочешь?

Фрисгард.
Приказ нарушен; следуйте за нами.
Лейтгольд.
Не отдали поклона этой шляпе.
Телль.
Пусти, приятель!
Фрисгард.
Нет! ступай в тюрьму!
Вальтер.
Как! батюшку в тюрьму? О, помогите!
(Кричит за сцену).
Эй! кто там есть?... сюда, сюда, скорей!
Насилие! его ведут в тюрьму!
Рессельман и Петерман прибегают с тремя
поселянами.
Петерман.
Что тут у вас?
Рессельман.
Зачем ты взял его?
Фрисгард.
Враг императора, изменник он!
Телль (хватает его, с сердцем).
Кто? я изменник?

Рессельман.
Ты ошибся, друг,—
Ведь это Телль, наш честный гражданин.
Вальтер (увидя Вальтера Фюрста, бежит к нему
навстречу).
Ах, дедушка! с отцом беда случилась!
Фрисгард.
В тюрьму, в тюрьму!
Вальтер Фюрст (прибегая).
Стой! я ему порука!
Телль! ради Бога, что с тобой? скажи
мне!
Входят Мельхталь и Штауффахер.
Фрисгард.
Он именной наместника приказ
Ни уважать, ни исполнять не хочет.
Штауффахер.
И это сделал Телль?
Мельхталь.
Ты лжешь, бездельник!
Лейтгольд.
Он, проходя, не поклонился шляпе.

Вальтер Фюрст.
За то его в тюрьму? Послушай, друг,
Пусти его,—я за него порука.

Фрисгард.
Ты за себя ручайся, если можешь;
Мы делаем, что нам велят. Пойдем!

Мельхталь.
Нет, это уж насилие! Снесем ли,
Чтоб он был взят у нас перед глазами?

Петерман.
Ведь мы сильнее; друзья, не выдавайте!
Мы защищать обязаны своих.

Фрисгард.
Кто смеет восставать против указа?
Три поселяннина (прибегая).
Мы вам поможем! бейте их! смелее!
Гильдегарда, Мехтильда и Эльсбета
возвращаются.

Телль.
Оставьте нас, друзья. Я сам бы мог
Управиться, когда бы захотел:
Меня бы копыя их не испугали.

Мельхталь (Фрисгарду).
Попробуй-ка отнять его у нас.

Вальтер Фюрст и Штауффахер.
Друзья, спокойней!

Фрисгард (кричит).
Возмущенье! Бунт!
(Слышны охотничьи рога).

Женщины.
Ну, ландфогт едет!
Фрисгард (возвышая голос).
Бунт! Мятеж! Измена!

Штауффахер.
Эк, как он горло-то дерет, мерзавец!
Рессельман и Мельхталь.
Да замолчишь ли ты?

Фрисгард (еще громче).
Эй! помогите
Служителям закона! Помогите!

Вальтер Фюрст.
Вот и ландфогт! Беда нам! что-то будет!

Геслер на лошади, с соколом на руке; Рудольф
Гаррас, Берта и Руденц, за ними много
численная вооруженная свита, которая занимает
всю сцену.

Рудольф Гаррас.
С дороги прочь! Раздвиньтесь!

Геслер.

Разгони их!
Зачем сюда народ сбежался? Кто
На помощь звал? я знать хочу.

(Всеобщее молчание. К Фрисгарду).

Сюда!

Кто ты таков? зачем его ты держишь?
(Отдает сокола ловчему).

Фрисгадр.

Мой господин! я верный твой служитель,
И на часах поставлен был у шляпы.
А вот его на том я изловил,
Что шляпе он твоей не поклонился.
Я по приказу взять его хотел,
А мне народ отдать его не хочет.

Геслер.

Ужели ты так мало чтить монарха
Да и меня, наместника его,
Что не хотел воздать почтенья шляпе?
Она висит, чтоб узнавать покорных.
Ты первый дерзко презрел мой указ.

Телль.

Прости мне, господин!—не из презренья,
Но по незнанью провинился я.
Клянусь тебе, я не хотел нарушить
Указа твоего. Прости меня!

Геслер *(помолчав немного)*.

Ты мастерски владеешь луком, Телль—
Тебя равняют с лучшими стрелками.

Вальтер Телль.

И это правда, сударь,—мой отец
На сто шагов от дерева сшибает
Любое яблоко своей стрелой.

Геслер.

Что это сын твой, Телль?

Телль.

Да, господин.

Геслер.

А есть еще?

Телль.

Их двое у меня.

Геслер.

Которого ж из них ты больше любишь?

Телль.

Я, господин, равно люблю обоих.

Геслер.

Так вот что, Телль,—когда ты так искусно
Сшибать умеешь яблоки с деревьев,
Ты мне теперь на деле то покажешь.
Возьми стрелу и лук свой и сшиби

Мне яблоко с сыновней головы.
Но—мой совет: прицелься хорошенько.
Коль яблока ты сразу не сшибешь,
Так голова твоя не уцелеет!
(Все поражены ужасом).

Телль.

О, господин, ужасен твой приказ!
Я—с головы родного сына—должен—
Не может быть! Нет, я не так расслышал!
Всевышний милосерд! Ты от отца
Подобной жертвы требовать не можешь!

Геслер.

Нет, я хочу, чтоб ты, без отговорок,
Сшиб яблоко с сыновней головы.

Телль.

Как! целью мне послужит голова
Родного сына? Нет—умру скорее!

Геслер.

Стреляй! не то—погибнете вы оба.

Телль.

Мне быть убийцей своего ребенка
О, господин! ты не отец,—не знаешь,
Что чувствует родительское сердце!

Геслер.

Э, Телль, как ты благоразумен стал!
А я слышал, что ты большой мечтатель,

Чуждаешься обычаев людских,
Все любишь странное;—и потому-то
Я для тебя такой и подвиг выбрал.
Иной поостерегся бы,—а ты,
Закрыв глаза, на все готов решиться.

Берта.

О, не шутите, господин, над ними!
Вы видите,—и трепетны, и бледны
Стоят они;—так мало ваши шутки
Они привыкли слушать.

Геслер.

Кто сказал вам,

Что я шучу?

(Срывает яблоко с ближнего дерева).

Вот яблоко. Раздвиньтесь!

Отмеряйте, как следует, шаги—
Осьмидесятый пусть границей будет,
Не более, не меньше. Он хвалился,
Что может в цель попасть и в ста шагах
Теперь, стрелок, смотри, не промахнись!

Рудольф Гаррас.

Ах, Господи! он хочет в самом деле...
Дитя! скорей, пади к ногам ландфогта:
Моли его помиловать тебя.

Вальтер Фюрст *(тихо Мельхталю, который едва
может удерживать свое негодование).*

Владей собой и будь спокоен, друг мой!

Берта (Геслеру).

Довольно, господин!—бесчеловечно
Так чувствами родителя играть!
Да если б он и точно смертной казни
Достоин был за малый свой проступок,
То уж постиг теперь ее мученья.
Пусть возвратится он в свое жилище;
Теперь он вас узнал,—и этот час
И он, и правнуки его запомнят.

Геслер.

Раздвиньтесь! ну, скорее! что ж ты медлишь?
Виновен ты, тебя казнить я мог бы,
Но, вот, твою судьбу великодушно
Твоей руке искусной я вверяю.
Тот на меня не может возроптать,
Кому я волю дал располагать
Своей судьбой. Ты меткостью хвалился,
Ну так теперь ее докажешь мне.
Достойна цель и велика награда!
Стрелой попасть в назначенный кружок
Сумеет и другой; но тот стрелок,
Кто никогда в себе не усомнится,
Чей верен глаз и чья рука не дрогнет.

Вальтер Фюрст (падает пред ним на колени).

О, господин! мы чтим твой сан высокий,
Но будь великодушен! Половину
Имения моего отдам охотно,
Возьми хоть все, но пощади отца!

Вальтер Телль.

Нет, дедушка, не падай перед ним,
Перед таким жестоким человеком!
Скажите, где мне стать? Я не боюсь!
Отец мой птиц стреляет на лету,
Так в сердце сына он попасть не может

Штауффахер.

О, тронься хоть невинностью малютки

Рессельман.

Но вспомни,—есть Господь на небесах:
Ты дашь Ему отчет в своих поступках!

Геслер (показывая на мальчика).

Его к той липе привязать!

Вальтер Телль.

Меня?

Привязывать? Нет, не хочу! Я буду
Смирным, как ягненок: не дохну, не двинусь;
Но если вы привяжете меня,—
То я стучать и биться буду в узах.

Рудольф Гаррас.

Дай завяжу глаза тебе я, мальчик.

Вальтер Телль.

Зачем глаза? Не думаешь ли ты,
Что я боюсь стрелы от рук отцовских?
Я смело жду ее, и не смигну!

Ну, батюшка, скорее! Докажи,
Что ты стрелок хороший; он не верит.
Злодей нас погубить с тобою хочет.
На зло ему, стреляй и попади!

(Он идет к лите; ему на голову кладут яблоко).

Мельхталь (поселянам).

Как! нам, друзья, смотреть, чтоб здесь свер-
шилось

Насилие? Зачем же мы клялись?

Штауффахер.

Но что же делать нам?—мы безоружны;
А посмотри,—там копий целый лес.

Мельхталь.

О, еслиб мы тотчас за дело взялись!
Бог тем прости, кто предложил отсрочку!

Геслер (Теллю).

Ну к делу! ведь оружие не игрушка,
Всегда с собой носить его опасно,
Стрелой и сам стрелок сражен бывает.
Такая вольность поселян обидна
Для главного начальника страны:
Лишь господин носить оружие может.
Тебе приятно лук носить с собой—
Ну так тебе и цель я назначаю.

Телль (натягивает лук и кладет стрелу).
Посторонитесь! дайте место!

Штауффахер.

Телль!

Ты хочешь? нет помедли! Ты в волнении,
Рука твоя дрожит, колени гнутся!

Телль (роняя лук).

В глазах темнеет!

Женщины.

Боже милосердный

Телль (ландфогту).

Позволь мне не стрелять—вот грудь моя:
Вели пронзить ее оруженосцам!

Геслер.

Не смерти, но стрельбы твоей хочу я!
Ведь ты всегда так смел и предприимчив;
Рулем владеешь ты не хуже лука,
И никакой грозы не побоишься,
Когда спасти кого-нибудь захочешь.
Теперь—спаситель всех—себя спаси-ка!

Телль стоит в страшном борении; руки его дро-
жат; взоры с отчаянием обращаются то на ланд-
фогта, то к небесам. Вдруг он выхватывает из кол-
чана еще стрелу и прячет ее на грудь. Геслер
замечает все его движения

Вальтер Телль (под липою).

Отец, стреляй! Я не боюсь!

Телль.

Стреляю.

(Натягивает лук).

Руденц (который доселе едва удерживал свое негодование, подходит к Геслеру).

Довольно, господин ландфогт! Довольно!
Уж опыт был, и цели вы достигли.
Излишняя жестокость повредит:
Ломает лук тугая тетива.

Геслер.

Прошу молчать!—Не с вами говорят!

Руденц.

Но я хочу—я должен говорить:
Честь короля священна для меня!
Насилие такое ненавистно!
Того король не хочет, я уверен,
И мой народ жестокости такой
Не заслужил. У вас на то нет права.

Геслер.

Вы смеее?

Руденц.

Я до сих пор ни слова
Не говорил; я закрывал глаза,
Чтоб не смотреть на ваши притеснения,
Я заглушал в груди своей страданья
Тоскующего сердца; но теперь

Все кончено;—мое молчанье будет
Изменой государю и отчизне.

Берта (бросаясь между ними).

Ах, ты его лишь больше раздразишь

Руденц.

Я свой народ забыл! Родных покинул!
Я разорвал все близкие мне связи
Лишь для того, чтоб с'единиться с вами.
Я полагал, что лучше будет, если
Здесь утвержу владычество монарха.
И вот, повязка с глаз моих упала,
И я себя у пропасти увидел.
Доверчивость мою вы обманули,
Вы завлекли меня. Я был готов
Лишить народ мой лучшей доли.

Геслер.

Дерзкий!

Так говорить ты смеешь господину?

Руденц.

Мой господин не вы, а император!
Свободен я, как вы—и состязаться
Готов я с вами в рыцарских делах.
Не будь вы здесь от имени монарха,
Которого всегда я уважал,
Тогда бы я перчатку бросил вам,
И вы, как рыцарь, дали б мне ответ!
Что ж, дайте знак своим оруженосцам,

Не безоружен я, как эти люди
(Показывая на народ).

Нет! меч со мной,— и кто лишь подойти
Ко мне посмеет...

Штауффахер.

Яблоко упало

Между тем, как все обратили внимание на разговор
Руденца с ландфогтом, Телль пустил стрелу.

Рессельман.

И мальчик жив!

Многие голоса.

Он в яблоко попал!

(Вальтер Фюрст слабеет и готов упасть;
Берта поддерживает его).

Геслер (пораженный).

Как! он стрелял? Отчаянный смельчак!

Берта.

Ребенок жив! Отец, приди в себя!

Вальтер Телль (прибегает с яблоком).

Вот, папа, яблоко!—Я знал наверно,
Что сына своего ты не поранишь.

Телль.

Стоял нагнувшись, как бы следуя за полетом стрелы;
видя приближающегося сына, он роняет лук и с рас-
простертыми объятиями бежит к нему навстречу, с
восторгом прижимает его к сердцу, и, ослабев, па-
дает на колени. Все тронуто.

Берта.

О, Боже милосердный!

Вальтер Фюрст.

Дети, дети!

Штауффахер.

Велик Господь!

Лейтгольд.

Вот выстрел был! о нем

Предание в потомстве сохранится.

Рудольф Гаррас.

Пока стоят твердыни этих гор,
Рассказ про Телля вечно не умолкнет.

(Подает яблоко ландфогту).

Геслер.

Смотри пожалуй! Яблоко насквозь!
Ну, выстрел славный, нечего сказать!

Рессельман.

Да, он хорош! Но горе же тому,
Кто вынудил его, пытая небо.

Штауффахер.

Опомнись, Телль! теперь свободен ты
И можешь в дом спокойно возвратиться.

Рессельман.

Пойдем, и сына матери вернем.

(Хотят удалиться).

Геслер.
Послушай, Телль!

Телль (возвращаясь).
Что повелишь?

Геслер.
Ты спрятал
Еще одну стрелу. Я это видел!
Скажи мне, для чего ты это сделал?

Телль (в смущении).
У нас таков обычай, господин.

Геслер.
Нет, Телль, мне мало этого ответа:
Ты что-нибудь другое замышлял.
Скажи мне правду—смело, откровенно;
Что б ни было, я жизнь тебе дарую.
Зачем ты взял себе стрелу другую?

Телль.
Коль жизнь мне безопасна, господин,
То я скажу всю правду откровенно.
*(Вынимает из-за пазухи стрелу и устремляет на
ландфогта ужасные взоры).*

Стрелою этой я тебя пронзил бы,
Когда б случайно в сына я попал,
И верно я тогда б не промахнулся.

Геслер.
Ну, Телль, за жизнь страшиться ты не дол-
жен,
Дав слово, я сдержу его, как рыцарь;
Но злобные намеренья твои
Узнав, тебя возьму я и упрячу,
Где света ты вовеки не увидишь,
Чтоб мне от стрел избавиться твоих.
Эй, воины, сюда! Связать его!
(Телля связывают).

Штауффахер.
Как, господин?—его рука Господня
Так видимо избавила, а ты
Его теперь в оковы заключаешь!

Геслер.
Посмотрим, кто спасет его вторично.
Его тотчас на мой корабль отвести:
Я сам хочу в Кюснахт его отправить.

Рессельман.
Так кесарь сам не может поступать:
То нашим грамотам противоречит!

Геслер.
А где они? их утвердил ли кесарь?
Он их не утвердил! Таковую милость
Покорностью лишь должно заслужить.
Бунтовщики вы против государя,

У вас в уме одно лишь возмущенье;
Я знаю вас, я вижу вас насквозь!
Теперь его беру от вас,—но все
Вы столько же виновны, как и он.
Кто поумней,—учись молчать и гнутья!
Он удаляется; Берта, Руденц, Гаррас и воины
следуют за ним; Фрисгард и Лейтгольд
остаются.

Вальтер Фюрст (в отчаянии).
Пропало все! Он в злобе замышляет
Меня со всем семейством погубить!

Штауффахер (Теллю).
О, для чего ты раздражил тирана!

Телль.
В отчаянии кто может воздержаться?

Штауффахер.
О, так теперь пропало все! с тобою,
Вильгельм, и мы закованы в цепи!

Поселяне (окружают Телля).
С тобою вся надежда прочь от нас!

Лейтгольд (приближаясь к Теллю).
Жаль мне тебя!—но повинуюсь долгу.

Телль.
Прощайте!

Вальтер Телль (в сильной горести).
О, родитель мой любезный!

Телль (показывая на небо).
Там твой Отец! Ему молись, мой друг!

Штауффахер.
Что мне сказать жене твоей, Вильгельм?

Телль (с нежностью обнимает сына).
Ребенок жив, а мне Господь поможет.
(Быстро оставляет их и удаляется, окруженный
стражею).

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Восточный берег озера. Четырех Кантонов.

Причудливые отвесные скалы в глубине сцены. На озере волнение; слышен рев бушующих волн; по временам сверкает молния и гремит гром.

Кунц из Герзау. Рыбак и Мальчик.

Кунц.

Поверьте мне;—я сам все это видел;
Все было так, как я вам рассказал.

Рыбак.

Под стражей Телль и отвезен в Кюснахт.
Он лучшею опорой был бы нам,
Когда б пришлось восстать нам за свободу.

Кунц.

С ним сам ландфогт по озеру поехал;
Они готовы были уж отплыть,
Как вышел я из Флюлена, но буря,

Которая собирается теперь,
Принудила меня сюда причалить;
Она и их, быть может, задержала.

Рыбак.

В оковах Телль, во власти у ландфогта!
О, верьте мне, он так его укроет,
Что света дня он больше не увидит!
Свободного он мужа оскорбил
И мести, им заслуженной, боится.

Кунц.

Да говорят еще, что благородный
Наш Аттинггаузен при смерти лежит.

Рыбак.

Итак, последний якорь наш сломился!
Лишь он один мог голос возвышать
За родину и за права народа!

Кунц.

Гроза сильней становится. Прощайте!
В деревне я ночую: ведь сегодня
О переправе страшно и подумать.

(Уходит).

Рыбак.

Наш Телль в темнице, при смерти барон!
Теперь возвысь чело свое, тиранство!
Прочь всякий стыд! Правдивые уста
Немыми стали, ясный взор затмился,
Длань мощная окована цепями!

Мальчик.

Ну, град посыпал! Батюшка, уйдем
Домой, пока гроза нас не застала.

Рыбак.

Беснуйтесь, ветры! Молнии, пылайте!
Клубитесь, тучи! Низвергайтесь бурно,
Небесные потоки! Гибнут пусть
Зародыши грядущих поколений!
Вы, дикие стихии, здесь владейте!
Медведи, волки пусть опять вернутся
И мрачную пустыню населят.
Здесь никому нет жизни без свободы!

Мальчик.

Послушай, как ревет водоворот!
Он никогда так страшно не крутился!

Рыбак.

Пустить стрелу в главу родного сына—
Какой отец к тому был принужден!
И как на то не восставать стихиям?
О, для меня не дивно будет видеть,
Коль в озеро обрушатся утесы,
Коль эти скалы, башни ледяные,
Которые от века здесь стоят,
Растают вдруг и потекут рекою,
Коль эти горы вдруг свои хребты
Обрушат, и второе наводненье
Потопит все живущее творенье.

(Слышен колокольный звон).

Мальчик.

Чу! слышишь ли, там на горе звонят.
Должно быть, лодка тонет: этот звон
Сзывает всех к молитве о несчастных.

(Взлезает на утес).

Рыбак.

Беда ладье, которая теперь
Качается в ужасной колыбели!
Ни руль, ни кормчий не помогут ей;
Волна и вихрь теперь играют ею,
Как мячиком;—а нет вблизи нигде
Надежного залива,—там повсюду
Одни лишь скалы острые торчат,
Крутые, неприступные, и гордо
Утесистую грудь ей выставляют.

Мальчик (показывая налево).

Ах, батюшка, ладья из Флюлена!

Рыбак.

Спаси Господь несчастных! Если буря
Загонит их в пролив, тогда беда:
Как дикий зверь пучина там ярится,
В железную решетку бьет волной,
И с ревом разломать ее стремится:
Там узко ей, там скалы по бокам
Теснят ее и путь ей заграждают.

(Взлезает на утес).

Мальчик.

Ведь это лодка ландфогта из Ури,
Навес я красный узнаю и флаг.

Рыбак.

О, Боже правосудный! в самом деле:
Она и есть! и Геслер в ней плывет,
А вместе с ним его гонений жертва
Так скоро же постигла казнь его;
Узнай, тиран, владыку над собою!
Твоих угроз не слушает волна,
Не склонятся гранитные утесы
Пред шляпою твоею! Не молись,
Мой сын, пусть Божий суд над ним свер-
шится!

Мальчик.

Не за ландфогта я молюсь—за Телля:
Он в лодке с ним.

Рыбак.

О, рок непостижимый!
Чтоб одного злодея покарать,
Ты кормчего и всех плывущих губишь!

Мальчик.

Смотри, смотри!—они уж Бугисграт
Счастливо миновали; но волною
Отбило их от Тейфельсмюнстера,
И отнесло к большому Аксенбергу...
Я их не вижу больше.

Рыбак.

Там Гакмессер,

И не одна ладья уж там разбилась.
Когда они его не обойдут,
То лодка их ударится о скалы,
И все они погибнут неизбежно.
Но ведь у них хороший кормчий—Телль.
Один лишь он теперь спасти их мог бы,—
Да у него оковы на руках.

Вильгельм Телль (вооруженный луком).

*(Он идет скорыми шагами, с удивлением смотрит
вокруг и проявляет большое волнение. Посреди сцены
падает на колени, кладет руки на землю и потом
поднимает их к небу).*

Мальчик (увидя его).

Отец, смотри,—там кто-то на коленях.

Рыбак.

Вот он на землю руки положил,
И точно вне себя.

Мальчик (подходит ближе).

Кого я вижу!

Отец, отец! поди-ка, посмотри!

Рыбак (приближается).

Кто это?—Боже! ты ли это, Телль?
Как ты сюда попал?

Мальчик.

Ты разве не был
На лодке там, в оковах и в плену?

Рыбак.

Ты разве не отправлен был в Кюснахт?

Телль (встает).

Свободен я.

Рыбак и Мальчик.

Свободен? Как же это?

Мальчик.

Откуда ж ты?

Телль.

Из лодки.

Рыбак.

Как из лодки?

Мальчик (одновременно).

А где же ландфогт?

Телль.

Носится по волнам.

Рыбак.

Возможно ли? Но отчего ж ты здесь?
Как ты ушел от плена и от бури?

Телль.

Мне Бог помог, — и вот как это было.

Рыбак и Мальчик.

О, говори!

Телль.

Что в Альтдорфе случилось,
Вы знаете?

Рыбак.

Все знаем, говори!

Телль.

Так вот ландфогт велел меня связать,
И в замок свой, Кюснахт, хотел отправить.

Рыбак.

Потом с тобой из Флюлена поехал, —
Все знаем мы. Скажи нам, как ты спасся?

Телль.

Я, связанный, лежал на дне лады;
Защиты нет и нет спасенья. В мыслях
Прощался я с веселым светом солнца,
С женой, с детьми, и взор мой безнадежный
Был устремлен на водную пустыню...

Рыбак.

Бедняк!

Телль.

Так плыли дальше мы; ландфогт,
Его шталмейстер Гаррас и гребцы.

Колчан и лук мой у руля лежали.
И вот, едва успели малый Аксен
Мы обогнуть, как вдруг Господь на нас
Послал такую бурю от Готарда,
Что у гребцов от страха замер дух,—
Все думали, что гибель неизбежна.
Тогда один из них сказал ландфогту:
„Не миновать беды нам, господин,
Мы все теперь на волосок от смерти, —
От ужаса ни кормчий, ни гребцы
Не знают, что начать, притом и путь
Им вовсе незнаком. Но с нами Телль,
Он силен и рулем владеть умеет,
Что если б вы ему велели править?“
Тогда ландфогт сказал мне: „Телль, послушай:
Коль можешь ты от бури нас спасти,
То я тебя от уз твоих избавлю“.
И я сказал: „Да, господин, надеюсь
Спасти ладью при помощи Господней“.
Тогда меня освободили; я
За руль взялся и начал править; только
Украдкой смотрю, где лук лежит мой
И выбираю пристально утес,
Удобный для скачка с ладьи; вдруг вижу
Скалу крутую с плоскою верхушкой,
Висящую над волнами...

Рыбак.

Я знаю:
Она лежит у Аксена большого;

Но ведь она крута, едва ли можно
Кому вскочить из лодки на нее.

Телль.

Кричу гребцам: „Дружней! сильнее, братцы
Вот этой бы скалы достигнуть только;
Тогда уж нам не так опасно будет“.
И вот мы, наконец, примчались к ней.
Тогда, на помощь Господа призвав,
Все силы я свои собрал, и плотно
Примкнув кормой к скале, схватил скорее
Оружие и на нее скачком
Высоким прыгнул, а ладью ногою
От берега в пучину оттолкнул;
Пусть будет с нею, что угодно Богу!
И вот я здесь, спасен от власти бури
И от тиранской власти человека.

Рыбак.

Телль! видимое чудо над тобой
Явил Господь; едва могу я верить
Своим глазам. Скажи, куда идти
Ты думаешь? Тебе укрыться должно.
Ну если он избавится от бури?

Телль

Он говорил, когда я был на лодке,
Что хочет он у Брунена пристать,
И через Швиц отправиться в свой замок.

Рыбак.

Сухим путем?

Телль.

Так думал он тогда.

Рыбак.

О, так тебе, не медля, должно скрыться;
Ты от него в другой раз не спасешься.

Телль.

Скажи, как ближе мне пройти в Кюснахт и
в Арг?

Рыбак.

Прямой дорогой можно через Штейнен,
Но ближе и скрытнее через Ловерн;
Да вот мой сын тебя туда проводит.

Телль (жимет его руку).

Да наградит тебя Господь! Прощай!
(Идет и опять возвращается).

Мне кажется, ты в Рютли дал присягу,
Я слышал про тебя.

Рыбак.

Да, я там был
И нашему союзу присягал.

Телль.

Ну, так прошу тебя, отправься в Бюрглен,—
Там обо мне жена моя тоскует,
Скажи ей, друг, что я спасен и скрыт.

Рыбак.

Но как сказать, куда ты удалился?

Телль.

Ты тестя моего увидишь там,
Да и других, которых в Рютли видел,
Скажи им, чтоб они не унывали,
Что Телль спасен, рука его свободна,
И что об нем они услышат скоро.

Рыбак.

Открой мне смело, что задумал ты?

Телль.

Когда исполню,— все про то узнают.
(Уходит).

Рыбак.

Ну, Женни, проводи его; Господь с ним!
Он верно то исполнит, что задумал.
(Уходит).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зала в замке барона Аттинггаузена.

Барон, умирающий, в креслах. Вальтер Фюрст,
Штауффахер, Мельхталь и Баумгартен стоят
вокруг него. Вальтер Телль перед ним на коленях.

Вальтер Фюрст.

Все кончено теперь! скончался он!

Штауффахер.

Не умер он; смотри, как от дыханья
У губ его певелится перо;
Тих сон его, улыбка на лице.
(Баумгартен идет к дверям и говорит с кем-то).

Вальтер Фюрст (к Баумгартену).
Кто там пришел?

Баумгартен.

Гедвига, ваша дочь;
Она желает вас и сына видеть.

(Вальтер Телль встает).

Вальтер Фюрст
Могу ль ее утешить? — Сам тоскую!
Все горести над головой моей!

Гедвига *(врываясь)*.
Где? Где мой сын? — пусти меня к нему!

Штауффахер.
Гедвига, тише! здесь жилище смерти!

Гедвига *(бросаясь к сыну)*.
Мой Вельти! о, ты жив!

Вальтер Телль *(бросаясь в ее объятия)*.

Я жив, родная

Гедвига.
Но точно ли? Не ранен ли ты где?
(Осматривает его с беспокойством).

Возможно ли? И он в тебя стрелял?
О, у него нет сердца! Как он мог
Пустить стрелу в дитя свое родное?

Вальтер Фюрст.

С растерзанной душой он это сделал;
Был вынужден к тому под страхом смерти.

Гедвига.

Когда б он был отец чадолюбивый,
Сто раз бы умер он, а не стрелял.

Штауффахер.

Тебе должно благодарить Творца,
Который спас его.

Гедвига.

Но как забыть мне,
Чем кончиться могло бы это? — Боже!
Век проживу — и век я буду видеть,
Как в сына целится отец, и вечно
Стрела мне эта в сердце будет целить.

Мельхталь.

Но знаете ль, как он обижен был?

Гедвига.

Суровые сердца! коль ваша гордость
Обижена, — так все для вас ничто;
Сыновней жизнью, материнским сердцем
Играете вы в ярости слепой!

Баумгартен.

Беда постигла вашего супруга,
А вы его еще винить хотите!
Ужели вам не жаль его?

Гедвига (обращается к нему и смотрит на него сурово).

Не ты ли
Чувствителен один к несчастью друга?
Где были вы, когда его при вас
В оковы заключили? Кто помог
Ему? Кто спас его? Вы все смотрели
С холодностью, как он был взят и связан,
И уведен от вас. Скажите, так ли
Он с вами поступал? Явил ли он
Тогда одно немое состраданье,
Как за тобой ландфогт послал погоню,
А пред тобой пучина бушевала?
Нет! он не плакал, он вскочил в ладью,
Забыл жену, детей,—и спас тебя!

Вальтер Фюрст.

Но можно ль было нам его спасти,
Когда мы все стояли безоружны!

Гедвига (бросаясь в его объятия).

Родитель мой! и ты его лишился!
И мы, и вся страна его лишились!
Мы без него, но нас лишен он тоже!
Спаси его Господь от исступленья.
К нему, в его подземный, мрачный свод,
Не долетит от друга утешенье.
Он занеможет там, в сырой тюрьме
Он должен занемочь. Как роза Альп
От воздуха гнилого увядает,
Ах! так и он увянет там без солнца,

Без воздуха душистого полей.
В оковах он! его душа—свобода:
Ему не жить под душным мраком сводов!

Штауффахер.

Мы все возьмемся—из тюрьмы его освободим.

Гедвига.

Что можете вы сделать?
Когда он с вами был—была надежда:
Тогда имел защитника невинный,
Надежного спасителя—гонимый;
Он всех бы спас один, а вы, все вместе,
Не можете оков его расторгнуть!

(Барон просыпается).

Баумгартен.

Вот он пошевелился! Тише, тише!

Аттинггаузен (приподнимается).

Но где ж он?

Штауффахер.

Кто?

Аттинггаузен.

Его здесь нет,—меня
Оставил он в последние минуты!

Штауффахер.

Он вспомнил о племяннике,—за ним
Послали ль вы?

Вальтер Фюрст.

Послали. Успокойтесь:
Он наш теперь и сердцем, и душой.

Аттинггаузен.

Стоит ли он за родину свою?

Штауффахер.

Как истинный герой.

Аттинггаузен.

Зачем же он
Нейдет принять мое благословенье?
Я чувствую, что близок мой конец.

Штауффахер.

О, нет, мой господин! короткий сон
Вас подкрепил, и взоры ваши ясны.

Аттинггаузен.

Где боль, там жизнь, а боль моя утихла.
Страданий нет, как и надежды тоже.

(Увидя мальчика).

Кто это?

Вальтер Фюрст.

Он мне внук. Благословите
Его; он сирота.

(Гедвига с сыном уппадают на колени пред умирающим).

Аттинггаузен.

И вас, друзья,
И вас я оставляю сиротами!
О, горе мне, что мой последний взор
Падение отчизны должен видеть,
Что я достиг таких преклонных лет,
Чтоб унести в могилу все надежды!

Штауффахер (к Вальтеру Фюрсту).

И он умрет в печали безутешной?
Нет, озарим его последний час
Лучом надежды! Благородный рыцарь,
Рассейте вашу скорбь! мы не совсем
Покинуты, не вовсе беззащитны.

Аттинггаузен.

Но кто же вас спасет теперь?

Вальтер Фюрст.

Мы сами.

Послушайте,—недавно три земли
Вошли в союз—изгнать своих тиранов.
Он заключен,—и клятвою священной
Был утвержден. Исполним предприятие,
И прежде, чем родится новый год,
Ваш прах лежать в земле свободной будет

Аттинггаузен.

О, повтори!—союз их заключен?

Мельхталь.

Да, господин, в один и тот же день
Восстанут три кантона. Все готово—

Но до сих пор хранилась наша тайна,
Хоть много сот участников в ней есть.
Стоят уже над пропастью тираны,
Часы их гордой власти сочтены,
И скоро здесь следы их пропадут.

Аттинггаузен.

А крепкие их замки в городах?

Мельхталь.

Они падут в один и тот же день.

Аттинггаузен.

А рыцари участвуют в союзе?

Мельхталь.

Мы помощи их ждем; но до сих пор
Одни лишь мы союзу присягнули.

Аттинггаузен (медленно привстает в величайшем
удивлении).

И селянин идет на этот подвиг,
Сам от себя, без помощи вельмож?
И он вполне в своих уверен силах?
О, мы тогда уж больше не нужны.
Утешенный в могилу я сойду;
Здесь будет жить народ,—иною силой
Величие свое он сохранит.

(Он кладет руку на голову мальчика, который стоит
перед ним на коленях).

От сей главы, где яблоко лежало,

Иная зацветет для вас свобода;
Все старое погибнет—из развалин
Век новый и блестящий оживет!

Штауффахер (Вальтеру Фюрсту).

Каким огнем его сверкают взоры!
О, нет! теперь не смерти дух над ним:
То светлый луч прекрасной новой жизни.

Аттинггаузен.

Владельцы из замков выезжают,
Чтоб городам присягу принести;
В Ухтланде их и в Тургау принимают;
И поднял Берн державную главу;
И Фрейбург стал защитником свободы;
Богатый Цюрих снарядил к войне
Своих граждан, и силы королей
У крепких стен его поколебались.

(Он продолжает голосом профитателя; речь его
возрастает до вдохновения).

И вижу я монархов горделивых
И рыцарей в доспехах золотых,
Они идут сражаться с пастухами.
Борьба на смерть, и громкими делами
Прославятся ущелья гор родных.
Там поселянин, с грудью обнаженной,
На копий лес, как жертва, полетит
И сокрушит—погибнет власть дворян,
И вольности знамена разовьются.
(Берет руку Штауффахера и Вальтера Фюрста).

Так будьте же вовеки нераздельны—
Рука с рукой, как братья и друзья—
В опасности немедленно летите
На первый зов союзников своих.
Живите дружно—дружно—дружно—

(Он упадает на подушки и испускает дух, но, умирая, еще держит их руки. Фюрст и Штауффахер взирают на него в молчании; потом удаляются и предаются печали. Между тем, собираются его слуги; все из'являют глубокую горесть; некоторые падают перед ним на колени и обливают слезами его руки. В продолжение этой немой сцены слышен в замке звон колокола).

Руденц и прежние.

Руденц (вбегая).

Что, жив ли он, услышит ли меня?

Вальтер Фюрст (печально).

Вы наш теперь владетель и защитник,
Другое имя замок получил.

Руденц (в глубокой горести смотрит на тело барона).

О, Боже, Боже мой! ужели поздно
Раскаянье мое? Ужель не мог он
Прожить еще хоть несколько мгновений,
Чтобы мою увидеть перемену?
Я не внимал его благим советам,
Я презирать их смел! Теперь он там!
А я остался здесь, обремененный
Виною незаглаженной! Скажите,
Он умер, негодую на меня?

Штауффахер.

В последний час он все узнал об вас
И мужество благословил он ваше.

Руденц (становится на колени у трупa).

Достойного священные останки,
Бездушный милый прах! Даю обет
Здесь, над твоей рукою охладелой,
Что я расторг навек с врагами связи
И моему народу отдался;
Швейцарец я, и всей душой желаю
Остаться им.

(Встает).

Оплакивайте друга
И нежного отца, но будьте бодры;
Он не одно богатство мне оставил,—
Он дух мне свой и сердце передал;
Да! юноша клянется то исполнить,
Что старец вам маститый завещал.
Дай руку мне свою, отец почтенный,
И ты мне дай свою! и ты, Мельхталь!
Не отвращайтесь от меня, друзья,—
Мои примите клятвы и обеты.

Вальтер Фюрст.

Дадим ему мы руки. Он достоин
Доверия.

Мельхталь.

Вы презирали нас.
Чего же ожидать от вас мы можем?

Руденц.

О, позабудьте юности ошибки!

Штауффахер (Мельхталю).

Живите дружно,—так отец сказал нам;
Припомни это.

Мельхталь.

Вот моя рука!

И селянин, как рыцарь, верен слову.
Что вы без нас? Ведь званье земледельца
Древнее вашего.

Руденц.

Я чту его,

И буду защищать своим мечом.

Мельхталь.

Рука того, кто землю подчинил
Себе и взрыл ее тяжелым плугом,
И грудь его сумеет защитить.

Руденц.

Вы *мне*, а я—я буду *вам* защитой,
Тогда сильнее в союзе будем мы.
Но для чего слова, когда отчизну
Еще гнетет тиранов чуждых власть?
Сперва страну освободим от ига,
Тогда свои права уравновесим.

(Помолчав несколько времени).

Молчите вы? Вам нечего сказать мне?
Так я не заслужил еще, чтоб вы

Доверчиво открылись мне!—Насильно
Войти я должен в тайный ваш союз.
Я знаю все,—вы присягали в Рютли,
Я знаю, что там было; хоть не вы
Открыли тайну мне свою, но я
Хранил ее, как дорогой залог;
Я никогда врагом отчизны не был
И не решился б на нее восстать.
Но медлить вам не должно,—время мчится,
Уж Телль был жертвой медленности вашей.

Штауффахер.

Мы поклялись дожидаться Рождества.

Руденц.

Я не был там, и клятвы не давал.
Не вы, так я начну.

Мельхталь.

Как? вы хотите...

Руденц.

Страны я этой ныне покровитель,
И первый долг мой—быть ее защитой.

Вальтер Фюрст.

Предать земле сей драгоценный прах:
Вот долг для вас первейший и священный.

Руденц.

Освободив страну, возложим мы
На одр его венок победы свежий.

Друзья мои! ах, не за вас одних
Сразиться я с тиранами намерен,—
И за себя!—Узнайте: скрылась Берта,
Она тайком похищена от нас!

Штауффахер

На дерзкое насилие такое
Тиран решился?

Руденц.

О, друзья мои!

Я обещал помочь вам, но сначала
Сам должен вас о помощи просить.
Ах, у меня похитили невесту!
Кто знает, где сокрыл ее злодей!
И, может быть, он силою принудит
С собою в ненавистный брак вступить.
О, помогите мне ее избавить!
Поверьте мне,—она вполне достойна,
Чтоб за нее вооружились вы.

Вальтер Фюрст.

На что же вы решились?

Руденц.

Сам не знаю!

Ах, этот мрак, который окружает
Ее судьбу—сомненье, беспокойство,
Которыми терзаюсь я теперь,—
Одну лишь мысль мне ясную внушают:
Что должно нам извлечь ее насильно
Из-под развалин вражеских твердынь.

И потому их должно все разрушить,
Чтоб отыскать, открыть ее темницу.

Мельхталь.

Ведите нас, мы следуем за вами!
К чему нам то откладывать на завтра,
Что можем мы сегодня кончить? Телль
Свободен был, когда клялись мы в Рютли;
Тогда еще не накопилось столько
Ужасных дел. Теперь другой закон:
Тот низкий трус, кто будет медлить ныне!

Руденц (Штауффахеру и Вальтеру Фюрсту).

Итак, вооружитесь и за дело!
И ожидайте на горах огней:
Победы весть к вам долетит стрелою,
И, увидав желанный свет, быстрее
Вы на врагов грозою налетите
И здание тиранства сокрушите.

(Уходит).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Утесистая дорога в Кюснахт.

На нее сходят по тропинке между скал, и каждого
путника, прежде нежели он сойдет на авансцену,
видно наверху. Скалы окружают всю сцену; одна из
них, обросшая кустарником, выдалась вперед.

Телль (входит, вооруженный луком).

Вот эту дорогой он поедет;
В Кюснахт другой дороги нет. Я здесь

Исполню все—благоприятный случай.
Отсюда я, кустарником прикрытый,
Могу достать его своей стрелой,
Путь этот для погони слишком тесен.
Спешу, ландфогт, расчет свой кончить с
небом,

А не за тем, чтоб в ярости слепой
Терзать народ под игом притеснения.
Знай: есть Господь для кары и для мщенья!
Приди же ты, всех горьких бед вина,
Сокровище мое и драгоценность!
Тебя ждет цель, которая была
Для просьб, для всех молений недоступна,
Но пред тобой не устоит она.
И ты, мой лук надежный! ты бывал
Товарищем мне в играх и забавах,
Стрелу мою ты часто окрылял,
Не измени же мне и в час опасный;
Будь верен мне, мой лук, и в этот раз!
Когда теперь я промах дам несчастный,
Нет у меня другой стрелы запасной.

(Путники проходят через сцену).

Малютки милые! когда бывало
Я возвращался к вам,—с каким восторгом
Встречали вы отца!—он каждый раз
Вам приносил иль пук цветов альпийских,
Иль птицу редкую, иль аммонит,
Что странники находят на горах.
Теперь идет он за другой добычей:
В ущелии сидит он для убийства
И ждет врага, чтоб жизнь его отнять.
Но и теперь он думает о вас;
Чтоб вас спасти от мщенья тирана,
Свою стрелу извлек он из колчана.

(Встает).

Я стерегу достойную добычу.—
Иной стрелок весь день неутомимо
Зимой, в мороз, скитается в горах,
С одной скалы он скачет на другую,
И до крови себе подошвы режет,
Чтоб устоять на скользкой высоте
И застрелить ничтожную козу.
Моя ж добыча—злостный мой гонитель,
Который погубить меня хотел.

(Вдали слышна веселая музыка, которая приближается).

Всю жизнь свою я лук в руках держал,
С младенчества в стрельбе я упражнялся,
И в цель стрелял, и часто получал
Прекрасные награды за искусство;

Но вот, теперь пушу стрелу на славу,
И вся страна меня превознесет.

(Через сцену вверх по дороге идет свадебная процессия, Телль смотрит на нее, опершись на лук. Штюсси, полевой сторож, подходит к нему).

Штюсси.

Вот женится наш мызник монастырский
Из Мерлишахена, богатый человек,
Премного стад на Альпах у него.
Невесту он берет из Имнезея,—
И в эту ночь в Кюснахте будет пир.
Пойдем туда со мной, там рады всем.

Телль.

Печальный гость для свадьбы не годится.

Штюсси.

Забудь печаль, так сердцу будет легче.
Притом теперь плохие времена,
Так убегать веселия не должно.
Тут свадьба, там, быть может, погребенье.

Телль.

А иногда бывают оба вместе.

Штюсси.

Да! видно свет идет уж так. Везде
Случается довольно бед и горя;
Вот в Гларисе обрушилась скала
И часть его засыпала.

Телль.

И горы

Здесь валятся; что ж прочно на земле?

Штюсси.

Да, вот еще какие чудеса
Мне рассказал из Бадена приезжий:
Какой-то рыцарь ехал к королю,
И вдруг дорогой встретил целый рой
Слепней,—они напали на него
И до смерти коня его заели,—
И рыцарь к королю пришел пешком.

Телль.

И слабому дала природа жало.
(Армгарда приходит с детьми и становится на дороге).

Штюсси.

Все говорят, что это предвещает
Несчастье иль страшное злодейство.

Телль.

Ужасные злодейства каждый день
Свершаются без всяких предвещаний.

Штюсси.

Да, счастлив тот, кто в тишине живет
И свой участок поля засекает.

Телль.

И кроткому спокойно не прожить,
Когда его сосед недобрый гонит.

(С беспокойным ожиданием смотрит на дорогу).

Штюсси.

Прощай!—ты верно ждешь кого-нибудь?

Телль.

Я жду.

Штюсси.

Ну, так счастливо возвратиться!
Из Ури ты? оттуда к нам сегодня
Пожалует почтенный наш ландфогт.

Путник (входит).

Не будет он сегодня,—по полям,
От сильного дождя, разлились воды
И все мосты рекою снесены.

(Телль встает).

Армгарда (подходит ближе).

Так он сюда не будет?

Штюсси.

Вы к нему?

Армгарда.

Да, как же.

Штюсси.

Для чего ж вы стали тут,
Среди дороги?

Армгарда.

Для того, чтоб он
Здесь не ушел, не выслушав меня.

Фрисгард (идет поспешно и кричит издали).
С дороги прочь! Мой господин почтенный
Идет за мною следом. Прочь с дороги!
(Телль скрывается).

Армгарда (с живостию).

Ландфогт идет!

(Она становится с детьми на авансцене. Геслер и
Рудольф Гаррас показываются вдали на лошадях).

Штюсси (Фрисгарду).

Как перешли вы воды?
Ведь, говорят, река снесла мосты.

Фрисгард.

Мы с бурею на озере сражались,—
Что нам теперь альпийские потоки!

Штюсси.

Как? В эту бурю были вы в ладье?

Фрисгард.

Ну да; и ввек того я не забуду.

Штюсси.

Ах, расскажи!

Фрисгард.

Пусти,—я должен в замок
Дать знать, что господин ландфогт приедет.
(Уходит).

Штюсси.

Будь в лодке люди честные, так верно б
Пошли ко дну,—а этакой народ
Пройдет счастливо сквозь огонь и воду.
(Оглядывается).

А где ж стрелок, с которым говорил я?
(Уходит).

Геслер и Рудольф Гаррас верхом.

Геслер.

Что хочешь говори—я, как слуга,
Стараться должен угодить монарху.
Сюда послал меня он не за тем,
Чтоб баловать народ: повиновенья
Он требует. Вопрос: кто господином
Здесь должен быть,—мужик или император?

Армгарда.

Теперь пора! я подойду к нему.
(Робко приближается).

Геслер.

В Альтдорфе я свою повесил шляпу,
Но не для шутки, не для испытанья
Народа; нет, его давно я знал,
А для того, чтоб приучить их гнуться;
Ее нарочно там поставил я
На площади, чтоб всем в глаза бросалась,
И господина им напоминала,
Которого они совсем забыли.

Рудольф.

Но и народ свои права имеет.

Геслер.

Их разбирать теперь не время нам.
Великое готово совершиться:
Имперский дом растет; что начал славно
Отец, то сын намерен довершить.
Ему народ ничтожный был преградой,
Тақ иль не так,—он должен покориться.

*(Хотят ехать дальше. Армгарда бросается перед
ландфогтом на колени).*

Армгарда.

Умилосердись, господин, помилуй!

Геслер.

Зачем ты мне тут стала на дороге,
Пошла назад!

Армгарда.

Мой муж лежит в тюрьме,
А сироты без хлеба. Господин,
Умилосердись над моим несчастьем!

Рудольф.

Кто ты, и кто твой муж?

Армгарда.

Бедняк из Риги
Тем только и живет, что ходит в горы,
И сено косит там, на крутизнах,
Над бездною, куда стада не ходят.

Рудольф (ландфогту).

О, Боже, что за горестная жизнь!
Я вас прошу, отдайте мужа ей;
Как ни велик его проступок был бы,
Ужасным он наказан ремеслом.

(Армгарде).

Твою исполнят просьбу,—приходи
В Кюснахт, а здесь теперь не место.

Армгарда.

Нет, нет! я ни на шаг не отступлю,
Пока ландфогт не возвратит мне мужа!
Шесть месяцев томится в башне он,
Его суда напрасно ожидая.

Геслер.

С дороги прочь!—оставь меня в покое!

Армгарда.

О, будь же правосуден, умоляю!
Ты наш судья на место государя;
Твой долг судить,—коль милости желаешь
От Господа, так нам ее воздай.

Геслер.

Прочь! Отгоните дерзкую отсюда!

Армгарда (хватает коня за поводья).

Нет, нет! теперь мне нечего терять.
Ландфогт! ты с места не сойдешь, пока
Меня не порешишь!—Я не боюсь,
Сверкай себе глазами, сколько хочешь.
Несчастье так меня ожесточило,
Что мне и гнев не страшен твой.

Геслер.

Пусти!

Не то конем тебя я затопчу.

Армгарда.

Ну что ж? топчи! вот,—на!

(Толкает детей и повергается с ними на дороге).

Вот,—я лежу,

И дети тут,—дави сирот несчастных—
Ужаснее злодейства ты свершал.

Рудольф.

Она с ума сошла!

Армгарда (вне себя).

Ты уж и так

Народ весь затоптал. О, еслиб я
Мужчиною была, тогда б я знала,
Что мне начать, и пред тобою здесь
Во прахе б не лежала.

(Вдали снова слышна свадебная музыка).

Геслер.

Где же люди?

Пусть прочь ее отгонят, иль, забывшись,
Свершу я то, в чем каяться я буду.

Рудольф.

Им, господин, никак нельзя пробраться:
Там свадьба весь проход загородила.

Геслер.

Я слишком тих для этого народа;
Здесь речи их границ еще не знают;
Нет, все еще не так, как должно быть.
Но я клянусь, что все пойдет иначе:
Да! я смирю их дерзкое упорство,
Я подавлю надменный дух свободы,
Закон издам я новый, и введу —
*(Стрела пронзает его, он хватается рукою за сердце
и, качаясь, продолжает слабым голосом).*
О, Господи, прости мне!

Рудольф.

Господин!

О, Боже! что это? Стрела! Откуда?

Армгарда (вскакивая).
Убит, убит! Стрела его пронзила!

Рудольф (соскакивает с лошади).
Ужасно! Рыцарь, призовите Бога:
Над вами смерть!

Геслер.
О, это выстрел Телля!
(Упадает с лошади на руки Рудольфа; он опускает его на скамью).

Телль (является на вершине скалы).
Узнал стрелка! Теперь конец неволе,
Ограждена невинность от тебя,
Вредить стране ты более не будешь!
(Исчезает между скал. Сбегается народ).

Штюсси (вперед).
Что здесь у вас такое приключилось?

Армгарта.
Ландфогт убит стрелю.

Народ (вбегая).
Кто убит?
(Между тем как передовые из свадебной процессии выходят на сцену, остальные остаются на высоте, и музыка продолжается).

Рудольф.
Он кровью изойдет. Эй, помогите!
Скорей! скорей! Преследуйте убийцу!

Несчастный, вот какой тебе конец!
Ах, для чего меня ты не послушал!

Штюсси.
Ах, Господи, он точно умирает!

Несколько голосов.
Да кто ж его убил?

Рудольф.
Народ негодный!
С ума сошел он что ли? Здесь убийство,
А музыка играет. Замолчите!

(Музыка умолкает; сцена наполняется народом).
Ландфогт, скажите, если только можно,
Что вам угодно приказать?
(Геслер дает знак рукою и с сердцем повторяет его, заметив, что его не поняли).

Куда?
В Кюснахт? Я вас не понял! Ради Бога,
Не гневайтесь. Оставьте все земное, —
Подумайте, как с небом примириться.
(Вся свадебная толпа с бесчувственным ужасом окружает умирающего).

Штюсси.
Смотрите, как он бледен стал! Уже
Хладеет он — глаза его закрылись.

Армгарда (поднимая ребенка).
Дитя, смотри, как изверг умирает!

Рудольф.

Безумная! ужель в тебе нет чувства,
Что можешь ты смотреть на это?
Зачем же мне никто помочь не хочет
Стрелу из тела вынуть роковую?

Женщины (отступая).

Спасать того, кого сам Бог убил!

Рудольф.

Да поразит проклятье вас!
(Хватает меч).

Штюсси (берет его за руку).

Потише!

Господство ваше кончилось. Тиран
Страны погиб. Мы больше не потерпим
Насилия. Мы все теперь свободны.

Все (шумно).

Свободны мы!

Рудольф.

Вот как заговорили!

Покорность их и страх уж миновались.

(Вошедшим оруженосцам).

Вы видели ужасное убийство,
Теперь помочь нельзя; напрасно будем
Отыскивать убийцу, — нам заботы
Другие предстоят. Скорей, в Кюснахт!
Спасти нам должно замок этот крепкий;

Теперь народ в слепом остервенении
Забыл свой долг и чужд повиненья.
(Между тем как он удаляется с оруженосцами, при-
ходят Братья Милосердия).

Армгарта.

Посторонитесь! братья к нам идут.

Штюсси.

Будь жертва лишь, а вороны как тут.

Братья милосердия (становятся вокруг
умершего и поют протяжно).

Внезапно, быстро час кончины
От жизни смертного берет,
Среди утех, среди забот,
Отсрочки нет на миг единый.
Готов иль нет на суд предстать,
Но долг велит отчет отдать.

При повторении последних стихов занавес спу-
скается.

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Площадь в Альтдорфе.

В глубине сцены направо стоит крепость Ури с подмостками, как в 3-й сцене 1-го действия; налево тянется цепь гор, на которых горят сигнальные огни. Рассветает. В разных местах слышен колокольный звон.

Руоди, Куони, Верни, Каменщик и множество других поселян; женщины и дети.

Руоди.

Вы видите, — сигналы на горах?

Каменщик.

Чу! слышите, — звонят в колокола!

Руоди.

Врагов уж нет.

Каменщик.

Их замки в нашей власти.

Руоди.

А здесь их замки целы. Или в Ури
Свободу мы последние добудем?

Каменщик.

Оставим ли тюрьму в стране свободной?
Ломать ее!

Все.

Ломать ее, ломать!

Руоди.

Где наш трубач?

Трубач.

Я здесь. Что нужно вам?

Руоди.

Взойди на башню, брат, и затруби,
Чтоб далеко в горах разнесся звук
Твоей трубы, чтоб эхо повторило
Его в ущельях скал и созвало
Сюда всех поселян.

(Трубач уходит).

Вальтер Фюрст.

Постойте, други!

Еще к нам вести не пришли из Швица
И Унтервальдена. Пождем сперва оттуда
Гонцов.

Руоди.

Чего нам ждать? — Тиран убит;
Настал желанный день освобожденья.

Каменщик.

Вот на горах костры горят кругом:
Каких гонцов вы ждать еще хотите?

Руоди.

Пойдемте все! пойдем ломать подмостки!
Обрушим своды, стены разобьем!
Чтоб камня там на камне не осталось!

Каменщик.

Товарищи! мы строили ее,
Так знаем, как ее ломать.

Все.

Пойдемте!

(Бросаются со всех сторон к строению).

Вальтер Фюрст.

Теперь нельзя их больше удержать.

Мельхталь и Баумгартен входят.

Мельхталь.

Как! замо́к цел еще, — тогда как Сарнен
Весь в пепел обращен, разрушен Росберг?

Вальтер Фюрст.

Скажи, Мельхталь, несешь ли нам свободу:
Избавлена ль отчизна от врагов?

Мельхталь *(обнимает его)*.

Избавлена! порадуйся, отец!
Свободны мы, — в Швейцарии теперь
Ни одного тирана не осталось.

Вальтер Фюрст.

О, расскажи, как взяли вы твердыни?

Мельхталь.

Наш Руденц храбро взял упорный Сарнен,
А в Росберг я пробрался раньше ночью.
Но слушай, что случилось там. Когда,
Очистив от врагов, зажгли мы замо́к,
И пламя к небесам взвилось столбом,
Вдруг прибежал Дитгелм, ландфогтов паж,
И закричал, что Берта там погибнет.

Вальтер Фюрст.

О, Боже правосудный!

(Слышен треск падающих подмостков).

Мельхталь.

Там она

Была сокрыта Геслером в темнице.
В неистовстве наш Руденц заметался,
Когда внезапно своды потолков
Обрушились, и вопль несчастной к нам
Из дыма долетел.

Вальтер Фюрст.

Спасли ее?

Мельхталь.

Нужна была решимость и проворство.
Когда б он наш владетель только был,
Мы б для него не жертвовали жизнью;
Но он был наш союзник; весь народ
Был предан Берте,—потому за ним
Мы бросились в огонь единодушно.

Вальтер Фюрст.

Спасли ль ее?

Мельхталь.

Спасли! Барон и я,
Мы вынесли из пламени ее,
И с треском свод обрушился за нами.
Но вот, когда она пришла в себя,
И к небесам свой устремила взор,
Барон ко мне на грудь упал с восторгом.
Так наш союз, пожаром закаленный,
Был клятвою безмолвной подтвержден,
И устоит при всех ударах рока.

Вальтер Фюрст.

Где ж Ланденберг?

Мельхталь.

За Брюнигом теперь.
Не я виной, что тот, кем ослеплен
Отец мой был, ушел без наказания.
Я вслед за ним гнался, достиг его,
Схватил, поверг его к родительским стопам,

Уже над ним висел мой острый меч;
Но состраданию слепого старца
Обязан он, что вымолил пощаду.
Он клятву дал, что к нам не возвратится,
И не придет: он нас теперь узнал.

Вальтер Фюрст.

Хвала тебе, что ты победы чистой
Не запятнал убийством.

Дети (с обломками подмостков).

Мы свободны!

(Рог Ури сильно гремит).

Вальтер Фюрст.

Смотри, какое празднество!—они
И в старости его не позабудут.
(Девушки несут на шесте шляпу; вся сцена наполняется народом).

Руоди.

Вот шляпа, пред которою мы гнулись!

Баумгартен.

Скажите, что нам делать с ней теперь?

Вальтер Фюрст.

Ах, Господи! мой внук стоял под нею!

Многие голоса.

Прочь, прочь ее, сей памятник тиранства!
В огонь ее!

Вальтер Фюрст.

Нет, лучше сохраним.

Она была орудием тирана,—

Да будет же теперь свободы знаком!

(Поселяне: мужчины, женщины и дети стоят и сидят на бревнах разрушенных подмостков; все составляет большой живописный полукруг).

Мельхталь.

Товарищи! как радостно теперь

Мы стали на развалинах тиранства!

Исполнилось, в чем поклялись мы в Рютли!

Вальтер Фюрст.

Начало есть, но нет еще конца.

Теперь нам должно быть в союзе дружном:

Поверьте мне,—король не будет медлить

Отмстить за смерть ландфогта своего

И прогнанных к нам снова возвратить.

Мельхталь.

Пусть он сюда с войсками к нам приходит!

Мы из своей земли врагов изгнали,

Так встретить их и отразить сумеем.

Руоди.

В горах у нас проходов мало: мы

Их заградим своими же телами.

Баумгартен.

В союзе вечном поклялись мы,—

И нас враги не устрашат войсками.

Рессельман и Штауффахер входят.

Рессельман (входя).

Вот грозный суд разгневанных небес!

Поселяне.

А в чем же дело?

Рессельман.

До каких времен

Мы дожили!

Вальтер Фюрст.

Скажите, что случилось?

Ах, Вернер, это вы! Какие вести

Несете нам?

Поселяне.

Что сделалось такое?

Рессельман.

Узнайте и дивитесь!

Штауффахер.

Мы теперь

Избавлены от гибельного страха.

Рессельман.

Убит наш император!

Вальтер Фюрст.

Боже правый!

(Поселяне окружают Штауффахера).

Все.
Убит! Как! Император? Император?

Мельхталь.
Не может быть! Откуда эти вести?

Штауффахер.
Все истинная правда. Император
При Бруке пал от рук убийц; мне это
Сказал достойный веры человек—
Иоганнес Мюллер, из Шафгаузена.

Вальтер Фюрст.
Но кто ж свершил ужасное злодейство?

Штауффахер.
От имени виновника оно
Еще ужаснее. Убийцей был—
Его племянник, герцог Иоанн.

Мельхталь.
Как он решился быть убийцей дяди?

Штауффахер.
Король его отцовское наследье
Удерживал насильно за собой
И, говорят, хотел совсем отнять,
Надев клобук епископа на принца.
И юноша последовал советам
Своих друзей; с ним вместе Эшенбах,
Варт, Пальм и Тегерфельд вошли в союз,

И он решился, собственной рукою,
Отмстить за все обиды государю.

Вальтер Фюрст.
Скажите, как свершилось преступленье?

Штауффахер.
Из Штейна ехал в Баден государь,
К Рейнфельду, вниз; с ним вместе были
принцы

Иоганн и Леопольд и свита знатных;
И вот, когда доехали до Рейсы,
Где чрез реку была им переправа,
Тогда убийцы, в лодке все собравшись,
От свиты государя отделили;
Потом поехал он обширным полем,
Где некогда, как говорит преданье,
Языческий был город, а теперь
Стоит высокий древний замо́к, Габсбург,
Откуда знатный род его идет.
Тут Иоанн пронзил его кинжалом,
Рудольф фон-Пальм кошем его ударил,
А Эшенбах мечом рассек главу.
Король в крови на прах упал, сраженный
Рукой своих и на земле своей.
С другого берега смотрела свита,
Но, разделенная рекой, могла лишь
Бессильным воплем берег оглашать.
Старушка тут сидела у дороги,
И на ее руках король скончался.

Мельхталь.

Так, властью никогда не насыщен,
Себе могилу приготовил он.

Штауффахер.

И ужасом об'ята вся страна,
Заграждены все горные проходы;
Свои границы каждый стережет,
И древний Цюрих затворил ворота,
Которых тридцать лет не затворял:
Все мстителей боятся, как убийц.
Уж грозная Агнеса, королева
Венгерская, идет оттуда с войском;
Забывши нежность пола своего,
Она за кровь отца его убийцам
Клялась отмстить на всем их поколеньи,
На их рабах, на детях и на внуках,
На самых даже камнях их домов.
Она клялась, что целые семейства
Низвергнет в гроб родительский—и кровью
Омоется, как майскою росой.

Мельхталь.

А знают ли, куда ушли убийцы?

Штауффахер.

Они, свершив убийство, разбежались
На пять сторон различных, чтоб вовеки
Не свидеться; а герцог Иоанн,
Как думают, скитается в горах.

Вальтер Фюрст.

Так не дало плода им преступленье!
Плодов от мести нет; она всегда
Ужасна; ей убийство—наслажденье,
А следствие—отчаянье одно.

Штауффахер.

Убийцам пользы нет от злодеянья,
А мы сберем невинною рукой
Блаженный плод с кровавого проступка.
Избавились мы гибельного страха:
Сильнейший враг свободы низложен,
И говорят, что скипетр в дом другой
Из Габсбургского дома перейдет.
Империя желает удержать
Свободный выбор.

Вальтер Фюрст и многие.

Что еще известно?

Штауффахер.

Граф Люксембург намечен большинством.

Вальтер Фюрст.

Вот хорошо, что мы остались верны
Империи,—нам это в пользу будет.

Штауффахер.

Друзей искать властитель новый станет,
Он нас от мщенья австрийцев защитит.

(Поселяне обнимаются).

Петерман и Имперский вестник.

Петерман.

Вот здесь главы почтенные народа.

Рессельман и многие.

Что там у вас?

Петерман.

Вот грамоту принес
Имперский вестник нам.

Все (Вальтеру Фюрсту).

Прочти ее!

Вальтер Фюрст (читает).

„Всем гражданам любезным Ури, Швица
И Унтервальдена императрица
Елисавета милости дарует“.

Многие голоса.

Что нужно ей? Мы ей уж не подвластны.

Вальтер Фюрст (читает).

„В печали безутешной и вдовстве,
В которое повержена кончиной
Любезного супруга своего,
Она любовь и верность помнит их“.

Мельхталь.

А в счастья не помнила она.

Рессельман.

Потише! будем слушать.

Вальтер Фюрст (читает).

„И, обращаясь к верному народу,
Надеется, что он обрушит свой
Правдивый гнев на дерзостных убийц,
Что он не даст убежища злодеям,
Но будет сам усердно помогать
Их отыскать и выдать правосудью,
Вспомнив и любовь к нему и милость
Рудольфова увенчанного дома“.

(Ропот неудовольствия между поселянами).

Многие голоса.

Любовь и милость!

Штауффахер.

Все милости нам были от отца;
От сына же нам нечем похвалиться.
Да, подтвердил ли наши льготы он,
Как до него все прежние монархи?
Творил ли он над нами суд правдивый?
Давал ли он защиту угнетенным?
И принял ли он наших депутатов,
Которых мы отправили к нему?
Нет, ничего для нас не сделал он!
И если б мы могучею рукою
Не защитили прав своих, то он бы
Нам не помог; ему ли благодарность?
Не благодарность он посеял здесь.

Он быть бы мог отцом своих народов,
Но он любил своим благотворить:
Так им об нем и слезы должно лить.

Вальтер Фюрст.

Не веселимся мы его паденьем
И не хотим теперь припоминать
Его обид; но мстить за смерть того,
Кто никогда не делал нам добра,
И гнать людей, нам вовсе не вредивших,—
Нет, это нам нейдет и не годится.
Любовь должна быть жертвою свободной;
Кончиной все долги разрешены:
И с ним теперь закончили мы счет.

Мельхталь.

Пусть во дворце рыдает королева,
И шлет свой стenanья к небесам,—
Ты видишь здесь народ освобожденный
От бремени. Он к тем же небесам
Воздел сердца с мольбою благодарной.
Тот сей любовь, кто хочет сожаленья.

(Вестник уходит).

Штауффахер *(к народу)*.

Но где же Телль? Зачем же нет его
Меж нами? он глава свободы нашей;
Он больше всех свершил и претерпел.
Пойдем к нему, друзья! снесем привет
Тому, кто нас освободил от бед!

(Все уходят).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Жилище Телля.

На очаге горит огонь; сквозь отворенные двери
видна даль.

Гедвига, Вальтер и Вильгельм.

Гедвига.

Сегодня к нам придет отец. Ах, дети,
Он жив, свободен и мы все свободны!
И ваш отец свою отчизну спас.

Вальтер.

Но ведь и я при этом был: меня
Не позабудь. Отцовская стрела
По голове моей скользнула близко,
И я не вздрогнул.

Гедвига *(обнимает его)*.

Да, ты мой опять!

Тебя на свет я дважды родила,
И дважды я страданья претерпела;
Все кончено!—теперь мои вы оба,
И ныне к вам придет отец любимый!

(Монах подходит к воротам).

Вильгельм.

Ах, матушка, смотри: пришел монах.
Не будет ли просить он подаянья?

Гедвига.

Введи его и накорми,—пусть видит,
Что он в жилище радости пришел.
(Уходит в хижину и вскоре возвращается с кружкой).

Вильгельм (монаху).

Войди сюда, честной отец,—напейся.

Вальтер.

Войди, войди, и отдохни с дороги.

Монах (робко озирается).

Где я, скажите, где? в какой земле?

Вальтер.

Ты заблудился, коль того не знаешь.
Ты в Бюрглене, в кантоне Ури. Здесь
Лежит дорога к Шехенской долине.

Монах (к Гедвиге).

Одни ли вы? не дома ли ваш муж?

Гедвига.

Я скоро жду его. Отец, что с вами?
Ваш вид меня невольно устрашает;
Но нужды нет; напейтесь, вы устали.

(Подает ему кружку).

Монах.

Как ни томится жаждой грудь моя,
Но ни к чему не прикоснуся я,
Пока не обещаете вы мне...

Гедвига.

Останьтесь там, не подходите близко,
Коль слушать вас должна я.

Монах.

Сим огнём,

Который здесь горит гостеприимно,
И жизнь детей, вам дорогих,
Молю я вас—

(Хочет обнять детей).

Гедвига.

Что нужно вам? Оставьте
Моих детей. Вы не монах, я вижу:
Смирения символ одежда эта,
Но не смиренье на лице у вас.

Монах.

О Боже, я несчастнейший из смертных!

Гедвига.

Несчастья вид внушает состраданье
Но ваш меня приводит в содроганье.

Вальтер (вскрикивает).

Ах, матушка, отец!

(Убегает).

Гедвига.

О, Боже мой!

(Хочет идти, дрожит и останавливается).

Вильгельм (убегая).

Родитель!

Вальтер (за сценою).

Ты к нам пришел!

Вильгельм (за сценою).

Отец, отец любезный!

Телль (за сценою).

Да, я пришел; но где же ваша мать?

(Входят).

Вальтер.

Вот, у дверей,—сойти не может с места:
Она дрожит от радости и страха.

Телль.

Гедвига, мать моих детей! нам Бог
Помог;—тиран не разлучит нас больше.

Гедвига (бросается к нему на грудь).

О, Телль, как за тебя я трепетала!

(Монах прислушивается).

Телль.

Забудь печаль, для радости живи!
Я снова здесь, в семье своей любимой,
Под мирным кровом хижины родной.

Вильгельм.

Родитель, где же лук ты свой оставил?
Его не вижу я.

Телль.

И не увидишь.

Я положил его в святое место;
Не будет мне служить он на охоте.

Гедвига.

О, Телль мой! Телль!

(Оставляет его руку и отступает).

Телль.

Чего ж ты испугалась?

Гедвига.

Скажи, каким ты возвратился? Боже!
Могу ли руку сжать твою? Ту руку...

Телль (твердо и с достоинством).

Она страну спасла и защитила:
Ее могу поднять я к небесам.

(Монах вздрагивает. Телль замечает его).

Кто этот брат?

Гедвига.

Ах, я об нем забыла!
Ты с ним поговори,—мне страшен он.

Монах (приближается).

Ты Телль, убивший Геслера,—не так ли?

Телль.

Я Телль, и ни пред кем того не скрою.

Монах.

Ты Вильгельм Телль! Ах, Вышнего десница
Меня к тебе в жилище привела!

Телль (всматривается в него).

Ты не монах! но кто ж ты?

Монах.

Телль! тобою
Сражен ландфогт, гонитель твой; я также
Убил врага, который гнал меня;
Он был твоим, как и моим врагом:
Я от него страну теперь избавил.

Телль.

Так это ты? Ужасно! Дети, дети,
Прочь, прочь скорей! Жена, уйди и ты
Несчастный!

Гедвига.

Боже кто же он?

Телль.

Молчи,

Не спрашивай! чтоб дети не слышали.
Уйди скорей отсюда, дальше, дальше;
Ты под одной с ним кровлей быть не можешь.

Гедвига.

Великий Боже! О, уйдемте, дети!

(Уходит с детьми).

Телль (монаху).

Ты герцог Иоанн,—тобой убит
Законный император твой и дядя?

Иоанн Паррицида.

Он хищник был наследства моего.

Телль.

Тобой убит твой дядя и властитель!
И под тобой тверда еще земля?
И солнца луч убийцу освещает?

Паррицида.

Телль, выслушай!..

Телль.

Ты, обогранный кровью
Родного дяди, ты, цареубийца,
Посмел войти в жилище чистоты?
Посмел предстать перед лицом невинных
И о гостеприимстве умолять?

Паррицида.

Здесь думал я участие найти:
И ты, как я, врагу отмстил.

Телль

Несчастный!

Кровавое искание короны
Ты смел сравнить с отеческой защитой
Спасал ли ты главу детей любимых?

Святыню крова охранял ли ты?
Избавил ли семейство от гоненья?
Рука моя чиста; я без боязни
Ее под'емлю к небу, проклиная
Тебя и твой проступок; я отмстил
Священные права природы,—ты же
Их посрамил; убийца—ты один,—
Я защищал, что мне всего дороже.

Паррицида.

Тобой отвергнут я, без утешенья,
С проклятием, с отчаяньем в душе!

Телль.

Твой голос мне ужасен. Прочь отсюда!
Иди своею страшною стезей—
Не оскверняй обители невинных!

Паррицида (*хочет удалиться*).

Так, мне нельзя, не должно больше жить!

Телль.

Но все мне жаль тебя. Творец небесный!
Так молод он, так родом знаменит,
Внук Рудольфа, монарха моего,
Теперь убийца, изгнанный, печально
Здесь у порога бедняка стоит!

(*Закрывает лицо*).

Паррицида.

О, если можешь плакать, тронься, тронься
Моей судьбой!—она ужасна, Телль!

Я князь—им был—и мог бы счастлив быть,
Когда б умел смирять свои желанья.
Но зависть грызла сердце мне,—я видел,
Как счастливая юность Леопольда,
Увенчанная почестями, цвела,
А я, его ровесник, все считался
Несовершеннолетним.

Телль.

Очевидно,

Твой дядя знал тебя, что не хотел
Отдать тебе владенья и вассалов:
Ты сам теперь своим ужасным делом
Его поступок мудрый оправдал.
А где твои сообщники убийства?

Паррицида.

Куда их всех загнали духи мести—
Не знаю. Я с тех пор их не видал.

Телль.

Но знаешь ли, что за тобой погоня,
И что тебе повсюду смерть грозит?

Паррицида.

Затем больших дорог я избегаю;
Не смея постучаться у дверей,
Свои шаги в пустыни направляю;
Брожу в горах—страшилищем людей,
И с трепетом отскакиваю прочь,
Когда в ручье лицо свое увижу.
О, если ты доступен состраданию...

(*Упадает пред ним на колени*).

Телль.

Встань, встань, несчастный!

Паррицида.

Нет не встану я,
Пока ты мне не обещаешь помощь.

Телль.

Могу ль тебе помочь я, слабый смертный?
Но встань; как ни ужасен твой проступок—

Ты человек, я также. От меня
Не отходил никто без утешенья—
Что я могу, то сделаю.

Паррицида (вскакивает и с живостью хватает его руку).

О, Телль,
Меня спасаешь ты от иступленья!

Телль.

Оставь меня! Ты должен удалиться.
У нас тебе надежного приюта
Не сыщется,—ты здесь не безопасен
От поисков. Где думаешь найти
Себе покой?

Паррицида.

Ах, я и сам не знаю!

Телль.

Послушай, что внушил мне Бог: ступай
В Италию, в священный град Петра,

Пред папою пади и покаяньем
Очисти душу грешную свою.

Паррицида.

Не выдаст ли он мстителям меня?

Телль.

Что б ни было,—Всевышнему доверься.

Паррицида.

Но как пройду в неизвестную страну?
Я не знаком с дорогой и не смею
К кому-нибудь из странников пристать.

Телль.

Пройти туда я научу,—припомни:
Ступай все вверх, все против быстрой Рейсы,
Что катит с гор сердитые струи.

Паррицида (вздрыгнув).

Ах, эта Рейса видела убийство!

Телль.

По краю бездны там идет дорога,
По ней стоят кресты на память тех,
Которые погибли под снегами.

Паррицида.

Не страшны мне все ужасы природы,
Когда борюсь я с муками души!

Телль.

С горячими раскаянья слезами
Пред каждым из крестов ты упадай,
И если той ужасною дорогой
Пройдешь благополучно, если горы
Своих снегов не сбросят на тебя,
Тогда взойдешь ты на дрожащий мост;
Коль он под бременем вины твоей не рухнет,
И ты его оставишь за собой,
Тогда в скале увидишь мрачный ход,
Где света дня от века не бывало,
Ступай по нем, тебя он приведет
В веселую, цветущую долину;
Но ты спеши все дале, ты не должен
Там оставаться, где живет покой.

Паррицида.

Рудольф, Рудольф, державный предок мой!
Так я, твой внук, в земле твоей скитаюсь!

Телль.

Так, восходя, дойдешь ты до вершин
Готарда, где озера вековые
Наполнены потоками небес.
Там ты простишься с германскою землей;
Река другая путь тебе покажет
В Италию, в твой край обетованный.

(Слышны звуки альпийских рожков).

Но удались,—я слышу голоса.

Гедвига.

Вильгельм, где ты? Отец идет сюда
И с ним толпа народа.

Паррицида (закрывает лицо).

Боже мой!

Я не могу остаться у счастливых!

Телль.

Жена, ступай и накорми его;
Снабди его запасом на дорогу:
Его далек и труден путь,—нигде
Он не найдет пристанища себе.
Спеши; идут.

Гедвига.

Кто он?

Телль.

Не узнавай!

Когда ж пойдет, ты отворачись взором,
Чтоб не видать, какой он путь избрал.

(Паррицида, тронутый, быстро подходит к
Теллю, но он дает знак рукою и удаляется. Когда
они оба уходят в разные стороны, декорация пере-
меняется).

СЦЕНА ПОСЛЕДНЯЯ

Представляет долину перед домом Телля, на которой толпятся поселяне. Некоторые из них сходят по горной тропинке, ведущей через Шехен. Вальтер Фюрст с обоими мальчиками, Мельхталь и Штауффахер идут впереди; другие за ними. Когда выходит Телль, все встречают его восклицанием:

Да здравствует наш Телль, наш Избавитель!

(Между тем как передовые толпятся вокруг Телля и обнимают его, приходят Руденц и Берта;—он приветствует поселян, она обнимает Гедвигу. Музыка играет на горах. Когда она умолкает, Берта входит в толпу).

Берта.

Союзники, друзья! прошу, примите
Меня в свой круг,—я первая нашла
Себе защиту здесь, в стране свободы.
Вверяю вам права свои;—хотите ль
Считать меня гражданкою своей?

Поселяне.

Хотим, и защищать тебя готовы
Своею кровию!

Берта.

Благодарю!

Ему свою я руку отдаю
Свободному—свободная швейцарка!

Руденц.

А я—даю свободу слугам всем!

Музыка снова играет. Занавес опускается.

Издательство «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА».

ВЫШЛИ В СВЕТ И ПРОДАЮТСЯ:

Каталог Западно-Европейской и Американской Литературы.

Каталог Литературы Востока.

Принципы художественного перевода, 1 изд.

Принципы художественного перевода, 2 изд.

Сборник «Литература Востока», вып. I.

Сборник «Литература Востока», вып. II.

Основная библиотека:

<i>О. де-Бальзак</i>	— «Крестьяне».
<i>Лили Браун</i>	— «Письма маркизы».
<i>Г. Гейне</i>	— «Путевые картины», т. V и VI.
<i>И. Гердер</i>	— «Сид».
<i>Бр. Гонкур</i>	— «Братья Земганно».
<i>Т. Гоффман</i>	— «Музыкальные новеллы».
<i>Ч. Диккенс</i>	— «Повесть о двух городах».
<i>Вл. Ибаныс</i>	— «Проклятый хутор».
»	— «Власть мертвых».
<i>Ибн-Туфейль</i>	— «Роман о Хайе».
<i>Ш. де-Костер</i>	— «Легенда об Уленшпигеле», ч. I и II.
<i>Лемонье</i>	— «Завод».
<i>А. Р. Лесаж</i>	— «Хромой бес» и «Тюркаре».
<i>Ляо-Чжай</i>	— «Лисьи чары».
<i>Г. де-Мопассан</i>	— «Милый друг».
»	— «Сильна, как смерть».
<i>Г. Флобер</i>	— «Воспитание чувств».
»	— «Саламбо».
<i>А. Франс</i>	— «Остров Пингвинов».
»	— «Восстание ангелов».
<i>Уот Уитмэн</i>	— «Листья травы».
<i>Г. Уэллс</i>	— «Война в воздухе».

Народная библиотека:

Вып.

1. *О. Мирбо* — «Деревенские рассказы».
2. *Мюльтатули* — «Рассказы».
3. *М. Твэн* — «Приключения Тома».
4. *Г. д'Аннуцио* — «Пескарские рассказы».
5. *Шамиссо* — «Чудесная история Петера Шлемиля».
6. *А. Франс* — «Дело уличного торговца».
7. *Гейерстам* — «Любовь».
8. *Баллады о Робин Гуде*.
9. *Г. Деледа* — «Сардинские рассказы».
10. *О. Уайльд* — «Счастливый принц».
11. » — «Гранатовый дом».
12. » — «Кэнтервилльское привидение».
13. *Дж. Лондон* — «Сын волка».
14. *Г. Уэллс* — «Спящий пробуждается».
16. *Вольтер* — «Кандид».
17. » — «Повести».
18. *Беранже* — «Песни».
19. *Кольридж* — «Поэма о старом моряке».
20. *Р. Хаггард* — «Кот царя Соломона».
21. *Шиллер* — «Разбойники».
22. *Дж. Лондон* — «Закон белого человека».
23. *Вольтер* — «Белый бык».
24. *Вл. Ибаньес* — «Валенсианские рассказы».
25. *Иенсен* — «Гиммерляндские рассказы».
26. *А. Франс* — «Чудо Св. Николая».
27. *В. Гюго* — «Последний день осужденного».
28. *Мейер* — «Святой».
29. *А. Додэ* — «Письма с моей мельницы».
31. *Нордстрем* — «Обыватели».

32. *Мопассан* — «В деревне» и др. рассказы.
33. *Федерер* — «Прометей».
34. *Юргенсен* — «Африканские рассказы».
35. *Вольтер* — «Принцесса Вавилонская».
36. *Уэллс* — «Машина времени».
38. *Г. Банг* — «Четыре дьявола».
39. *А. Франс* — «Сказка о сорочке».
41. *Уэллс* — «Невидимка».
42. *Ш. де-Костер* — «Тиль Уленшпигель».
43. *Дж. Лондон* — «Путь морозных солнц».
44. *Мишле* — «Кордельеры и Дантон».
45. » — «Жанна д'Арк».
46. *Гейерманс* — «Город брильянтов».
47. *М. Твэн* — «Принц и нищий».
48. *Дж. Лондон* — «Любовь к жизни».
49. *Барри* — «Белая птичка».
50. *Саути* — «Английские народные баллады».
53. *Иенсен* — «Ледник».
54. *Мудрость Хикара*
57. *Шиллер* — «Вильгельм Телль».

ПЕЧАТАЮТСЯ и ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ

<i>Гете</i>	— «Вертер».
»	— «Фауст».
<i>В. Гюго</i>	— «93-й год».
<i>В. Скотт</i>	— «Черный карлик».
<i>Гольдони</i>	— «Комедии».
<i>Р. Роллан</i>	— «Театр революции».
<i>А. Франс</i>	— «Рассказы».
<i>Ч. Диккенс</i>	— «Колокола».

Издательство «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА».

В целях ознакомления русского читателя с наиболее выдающимися произведениями иностранной литературы за последние годы — Издательство «ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА» приступило к выпуску серии

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Вышло из печати в этой серии:

- Ж. Ромэн* — «Доногоо-Тонка», кинематографический роман.
Э. Синклер — «100% или история одного патриота».
П. Бенуа — «Атлантида», роман.
Г. Дж. Уэллс — «Неугасимый огонь», роман.
Р. Роллан — «Кола Бреньон», роман.

В ближайшее время в этой серии выйдут:

- К. Гамсун* — «Соки Земли», роман.
Эдмунд — «Шесть истоков», новеллы.
Экспрессионизм — Сборник статей.
О. Генри — Избранные рассказы.
С. Бржозовский — «Зарево», роман из эпохи народовольцев.
Г. Верфель — «Человек из зеркала».
К. Мейринг — «Голем», роман.
Д'Аннунцио — «Ноктюрн», роман.
Р. Гольсу — Лирические драмы.

1935/36
ОПТ. В. И. СКЛАД
Ц. 12.80 к.

ЛЕНГИЗ
ОПТ. В. И. СКЛАД
ЦЕНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ПЕТЕРБУРГ
Моховая №36.